

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 1–2 2021
January–February**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 1–2 2021 (January–February)

ISSN 2310-5593 (Print)

ISSN 2519-1209 (Online)

Editor-in-chief

Bondarenko Natalya, Russia, Doctor of Philosophy Sciences

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abdusshalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Atayev Zagir Vagitovich, Russia, Ph.D. Geographical Sciences
Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Bogolib Tatiana Maksimovna, Ukraine, Doctor of Economics
Bolshakov Andrey Georgievich, Russia, Doctor of Political Sciences
Bondarenko Natalia Grigorievna, Russia, Doctor of Philosophy
Bulatbaeva Ayyul Abdimazhitovna, Kazakhstan, Doctor of Education
Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Economics, Doctor of Law
Dalibor Milorad Elezović, Serbia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law
Gaydin Sergey Tihonovich, Russia, Doctor of History
Gurov Valeriy Nikolaevich, Russia, Doctor of Education
Ibragimova Liliya Ahmatyanovna, Russia, Doctor of Education
Ibraeva Alua Salamatovna Kazakhstan, Doctor of Law
Ivana Blahuna, Ukraine, Doctor of Economics
Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Korzh Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Lekerova Gulsim, Kazakhstan, Doctor of Psychology

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Melnichuk Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kazakhstan, Doctor of Economics
Moldabek Kulakhmet, Kazakhstan, Doctor of Education
Morozova Natalay Ivanovna, Russia, Doctor of Economics
Moskvin Victor Anatolevich, Russia, Doctor of Psychology
Navruzoda Bakhtiyor, Tajikistan, Doctor of Economics
Novikov Alexei, Russia, Doctor of Education
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Salaev Sanatbek Komiljanovich, Uzbekistan, Doctor of Economics
Salamatovna Ibraeva Alua, Kazakhstan, Doctor of Law
Shadiev Rizamat Davranovich, Uzbekistan, Doctor of Education
Shahutova Zarema Zorievna, Russia, Ph.D. of Education
Soltanova Nazilya Bagir, Azerbaijan, Doctor of Philosophy, Ph.D. of History
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law, Doctor of Medicine
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Tereschenko-Kaidan Liliya Vladimirovna, Ukraine, Doctor of Philosophy
Tersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences
Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology
Zolotukhina-Abolina Elena, Russia, Doctor of Philosophy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8 – Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage

ppublishing.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Study of art

Искусствоведение

УДК 78.089.1:78.071.1(430)

DOI: 10.29013/AJH-21-1.2-3-13

Л. К. БОГДАНОВА-ХОЛОДОВА,¹¹ *Национальная музыкальная академия Украины имени П. И. Чайковского*

МОЛОДОЙ ВАГНЕР В РАБОТЕ НАД ОПЕРНЫМИ ЛИБРЕТТО (НА ПРИМЕРЕ РАННИХ ОПЕР «СВАДЬБА» И «ФЕИ»)

Аннотация.

Цель: раскрыть пути формирования таланта Р. Вагнера как автора сценарных планов собственных опер на примере двух ранних его оперных проектов.

Методы: соединение музыкально-исторического, биографического методов и методологических подходов, сложившихся в либреттологии.

Результаты: на примере первых опытов создания оперных либретто выявлен творческий подход молодого автора к переосмыслению избранных литературных первоисточников на основе обобщения полученных художественных впечатлений, реальных жизненных сюжетов, активного включения собственных творческих идей и сюжетных мотивов. Это можно расценивать как первые шаги к самостоятельной трактовке поэтических текстов, созданных для зрелых опер композитора. Последние расцениваются в современной либреттологии как самодостаточные произведения. Так воспринимал их и сам Вагнер, печатая отдельно от музыкального текста и называя «поэмами».

Новизна: в статье, незавершенная опера «Свадьба», которая обычно выносится за скобки при рассмотрении ранних опер композитора, написанных до «Летучего голландца», рассматривается в контексте литературных, театральных впечатлений, разных источников формирования эстетических взглядов и мироощущений начинающего автора. Она дается в сопоставлении с первым завершенным оперным проектом, оперой «Феи», в которой, наряду с общеромантическими чертами, выявлено воздействие «Орфея» К. В. Глюка, а также включение сюжетных мотивов старой «волшебной оперы», основанной на образе Армиды, героини эпической поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». При этом основной акцент сделан на значении в конкретных жизненных обстоятельствах и в перспективе всего творчества молодого автора новой сформированной Вагнером концепции пьесы-фьябы К. Гоцци «Женщина-змея», послужившей литературной первоосновой оперы.

Практическое применение: материалы статьи могут быть использованы в курсах истории музыки, истории оперы, могут быть полезны оперным постановщикам, создателям современных оперных либретто и композиторам, работающим в сфере музыкального театра.

Ключевые слова: опера, оперное либретто, либреттология, раннее творчество композитора, музыкальный романтизм.

Для цитирования: Богданова-Холодова Л. К. Молодой Вагнер в работе над оперными либретто (на примере ранних опер «Свадьба» и «Феи») // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, №1–2. – С. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-1.2-3-13>

Введение

Либреттология лишь относительно недавно обрела статус самостоятельной научной области. Оперные либретто до этого рассматривались в русле истории поэзии и драмы и лишь фрагментами включались в рассмотрение исторических путей оперного искусства. Свидетельством того, что сегодня эта исследовательская область выходит на новый уровень понимания и осмысления, стал недавно выпущенный сборник статей «Либреттология. Восьмая нота в гамме», который получил статус учебного пособия [4]. В нем опубликованы статьи представителей разных научных специальностей из разных стран, в том числе фрагмент из монографии «Десятая муза. Историческое изучение оперного либретто» английского ученого Патрика Смита [9]. В названном труде был принят серьезный опыт анализа оперных либретто как интегральной части истории оперы. По словам автора, такой избирательный подход помогает выявить на разных этапах и в разных творческих тандемах роль литературной основы создаваемых оперных произведений. В аспекте поднятой в его исследовании проблематики особенно значимой оказывается фигура Рихарда Вагнера как уникальный пример соединения в одном лице поэта и музыканта. П. Смит акцентирует внимание на том, что «Вагнер как либреттист принадлежит к роду авторов, которые изначально пишут самостоятельные в смысле выразительности и сами по себе удовлетворяющие работы, и в этом отношении он близок к Метастазию, Кальцабиджи, Бузони и Гофмансталу» [9, с. 259]. Исследуя эволюцию вагнеровских «поэм» от ранних образцов к героическому и эпическому миру и к символическому мифу, П. Смит приходит к заключению, что «Вагнеровская модель, основанная на идее самоценности произведения, стала чертой позднейшей истории оперы и либретто» [9, с. 261].

Либретто десяти основных, часто исполняемых опер Рихарда Вагнера изучались достаточно подробно в разных аспектах, сопоставлялись с литературными первоисточниками, на которых они базировались. Ими интересовались филологи, литературоведы, мифологи. Так, литературной основе опер Р. Вагнера дрезденского периода посвящена кандидатская диссертация 1973 года известного украинского литературоведа, профессора Б. Б. Шалагинова «Драматургия Рихарда Вагнера 1840-х годов (проблема творческого метода)» [13]. В более поздней работе того же автора

«Классики и романтики» [8] творчество Р. Вагнера рассматривается наряду с такими представителями немецкого романтизма, как Ф. В. Шеллинг, Ф. Шлегель, Ф. Гельдерлин, Г. Фон Клейст, Э.Т. А. Гофман. Вагнеру посвящены разделы, озаглавленные «Рихард Вагнер: путь к новому мифу». «Про тайну имени Лоэнгрин: Рихард Вагнер между романтизмом и символизмом», «Монолог Зигмунда в «Валькирии»: опыт мифопоэтического анализа» [8, с. 346–379].

Известно, что три первых завершенных оперы Рихарда Вагнера никогда не исполнялись на фестивале в Байройте в здании Фестшпильхауса. И если «Риенци» с самой первой постановки в Дрездене в 1842 году сопровождал зрительский успех, и оперные театры разных стран не утратили к этой ранней опере интереса вплоть до нашего времени, то «Феи» и «Запрет любви» можно смело причислить к репертуарным редкостям. Их устойчивые исполнительские традиции так и не сформировались. Достаточно скромное место занимает их анализ и в обширной вагнеровской литературе. Недостаточно внимания уделяется литературным первоисточникам, с которыми работал композитор. Из работ последних лет заслуживает внимания кандидатская диссертация Н. А. Антиповой, в которой прослеживаются связи ранних опер Вагнера с немецкими романтическими традициями. Опера «Феи» рассматривается автором диссертации в сравнении с «Ундиной» Э. Т. А. Гофмана, «Фаустом» Л. Шпора, операми Г. Маршнера и К. М. Вебера [12]. Ансамблевые и хоровые сцены оперы анализирует в монографии «Ансамблево-хоровой комплекс в музыкальном театре Р. Вагнера» А. М. Костеников [3]. В коллективном труде «Музыка Австрии и Германии XIX века. Книга третья» опера «Феи» оценивается как важный этап творческого становления композитора. Акцентируется ее связь с романтическими увлечениями детских и юношеских лет, а также с творчеством Г. Маршнера и Л. Шпора [5].

Если в музыкальной стилистике ранних опер Р. Вагнера ощутимы влияния жанровых образцов, на которые молодой композитор ориентировался, то в подходе к использованному литературному материалу им уже вырабатываются свои методы его переосмысления. В результате рождается самостоятельная концепция и ее прочная основа — литературный сценарий. С составления такого сценария Вагнер обычно начинал дальнейшую работу над словесным текстом,

который оформлялся сначала в виде прозаического пересказа сюжетной канвы, а затем излагался в стихах, обретая окончательный вид. И лишь по окончании словесной «поэмы» он приступал к сочинению музыки. Создаваемый сценарный план потенциально заключал в себе основные принципы мышления Вагнера-оперного драматурга. В нем запечатлевались сценические ситуации, крупные блоки и конструктивная основа оперного действия, динамика развития событий.

Результаты исследования. Обращение к опере 19-летнего автора «Свадьба» (*Die Hochzeit*, WWV 31. 14), которая осталась незавершенной, позволяет проследить, как, отталкиваясь от первого импульса, обогащалась и трансформировалась первоначальная идея. Это подтверждает наблюдения П. Смита о методе разработки Вагнером сюжетного материала. Речь идет о том, что «зародыш сюжета допускал рост и развитие в окончании работы» [9, с. 261]. Аналогичный способ разработки сюжетной канвы известный немецкий исследователь Андреас Хойслер назвал методом стилистического распространения, изучая пути трансформации сюжетов древнегерманской героической песни в развернутые эпические повествования [6]¹.

Мы знаем из слов самого Вагнера, что вначале его заинтересовало анонимное повествование XIII века «Верность жены», которое он нашел в «Собрании приключений. Сто старонемецких рассказов». Но, как это будет случаться и позднее, на литературные впечатления тут же стали наслаиваться реальные события и собственные переживания. Рихард услышав от сестры Луизы трагическую историю, которая произошла с польским эмигрантом, графом Тышкевичем, с которым он в это время сблизился. Винцент Томаш

Тышкевич (1798–1856) был значительно старше Вагнера и уже имел опыт участия как в наполеоновских войнах, так и в жестоко подавленном польском восстании 1831 года. После его разгрома он вместе с другими эмигрантами оказался в Ляйпциге, где и познакомился с Вагнером. Немецкий юноша привлек его живым умом, а также искренним сочувствием, которое он проявил к польским патриотам, вынужденным покинуть родину. Вместе с Тышкевичем Вагнер совершил путешествие через Дрезден до Брюно

(Брно), где они расстались. Дальнейший путь привел Вагнера сначала в Вену, затем в Прагу. В октябре 1832 молодой композитор оказался в имении графа Пахты Правонин под Прагой, где и начал разрабатывать свой первый оперный замысел.

В мемуарах «Моя жизнь» Вагнер вспомнил и пересказал впечатливший его несчастный случай, который произошел с его польским приятелем. Однажды граф Тышкевич посетил вместе с женой один из своих замков. «Ночью в окне его спальни показалось привидение. Несколько раз он окликнул его и, не получая ответа, схватил ружье и застрелил собственную жену: ей пришла в голову эксцентричная идея подразнить мужа, нарядившись духом» [1, с. 83]². В чешском городе Брно, где в это время свирепствовала холера, оставшийся в одиночестве Рихард пережил мистический ужас. Это были галлюцинации в духе тех ночных страхов, о которых любили писать в своих произведениях романтики. «Холера стояла передо мной, как живая: я ее видел, мог бы схватить ее рукой. Она подошла вплотную к моей постели, обняла меня. Все члены мои окоченели, я чувствовал смерть во всем теле. Были то сон, или бред наяву, не знаю» [1, с. 85].

Уже на следующий день Вагнер оказался в Вене. И здесь все жизненные и художественные впечатления получили продолжение уже на оперной сцене. Вена увлекалась в это время оперой французского композитора Ф. Герольда «Цампа, или Мраморная невеста». Ее можно было здесь увидеть сразу на двух оперных сценах. В средневековой легенде, на которой ее сюжет был основан, воссоздавалась история неудачной шутки некоего римлянина. В день свадьбы он надел обручальное кольцо на палец статуи богини Венеры. Когда он попытался его снять, каменный палец сначала согнулся, а потом разогнулся, но кольца на нем уже не было. Ночью в спальне новобрачных некое демоническое существо в облике Венеры стало выдавать себя за истинную невесту юноши.

Можно вспомнить, как отзовется мистический мотив этой давней легенды в финальной части тетралогии «Кольцо нибелунга», когда Хагену не удастся снять роковое кольцо с пальца убитого Зигфрида. Положенные в основу «Цампы» романтические мотивы будут созвучными некоторым сюжетным положениям либретто «Свадьбы». Мистика, страхи, роковые

¹ Можно усмотреть использование такого метода и в интерпретации М. Булгаковым, автором «Мастера и Маргариты», евангельских текстов.

² Вагнер Р. Моя жизнь. – М.: Изд-во Экмо; СПб.: Изд-во Terra Fantastica, 2003. – С. 83.

случайности станут содержанием либретто первого оперного опыта Вагнера. Толчком к сюжетному развитию тут послужат неожиданные события, которые произойдут во время свадьбы. Один из свадебных гостей, мрачный и угрюмый, как и Цампа, внезапно восплает страстью к чужой невесте. Жанр будущего произведения автор определит как «трагическая опера» [1, с. 91].

Формирование оригинального оперного замысла проходило несколькими этапами. Вначале Вагнер задумал написать новеллу, но когда стал над ней работать, у него стали возникать новые сюжетные мотивы. Действие он решил начинать со свадьбы. Среди гостей выделить замкнутого, погруженного в меланхолию друга жениха, а музыкальную линию сюжета связать с колоритной фигурой старого чудака-органиста.

Новелла осталась незавершенной. Но из комплекса всех разнородных впечатлений сложилось либретто с самостоятельной композицией и целостной сюжетной линией. Персонажи получили имена героев модной в те времена поэзии легендарного кельтского барда Оссиана. Важным новшеством стал мотив вражды двух знатных семейств, молодые представители которых должны вступить в брак в честь решенного примирения. Новобрачные Ада и Ариндаль не похожи в вагнеровской версии на шекспировских влюбленных Ромео и Джульетту. Когда запланирован брак по политическим соображениям, его надежность с первых же сцен подвергается сомнению. Выясняется, что сын бывшего врага Кадольт, который был приглашен на свадьбу, восплает тайной страстью к невесте. И это не укрылось от ее глаз. Она задает Ариндалю вопрос: «Скажи, мой супруг, кто этот посторонний человек?» Эта реплика предвосхищает аналогичную ситуацию в опере «Летучий голландец». Когда Даланд приводит в свой дом капитана загадочного корабля, с похожим вопросом обращается к отцу Сента.

В большом ансамбле с хором передаются противоречивые чувства, которые охватили всех участников свадебной церемонии. Кадольт терзается ревностью и любовными муками, его сторонники опасаются предательства, Ариндаль радуется по поводу осуществления своих надежд. Аду приводит в волнение пылкий взгляд незнакомца, который она на себе ловит. Ее подруга Лора пытается подавить ревнические чувства и присоединиться к общему праздничному веселью. Скрытый драматический конфликт обнаруживается воочию в следующем ночном эпизоде. Когда Ада

остается в брачном покое в ожидании жениха, в окне она видит незнакомца и его полный страсти взгляд. Кадольт пытается проникнуть в комнату через балкон. Когда Ада пробует его остановить, он сжимает ее в объятиях, и она, сопротивляясь, с силой сталкивает его через перила балкона вниз.

Дальнейшие события наполнены еще большими неожиданными поворотами. Виновника в смерти Кадольта должен определить Божий суд (предвосхищение мотива, который получит развитие в «Лоэнгрине»). Во время приготовления траурной церемонии всех поражает странное поведение Ады, которая отрекается от союза с женихом и запирается в башне. Заупокойная служба прерывается известием о том, что у ворот замка собрались воинственные родственники погибшего. По описанию Р. Вагнера, финал выглядит следующим образом: «Когда мстители за мнимое предательство проникают в часовню и вызывают убийцу друга, объятый ужасом владелец замка указывает на бездыханную дочь, которая, покинув жениха, упала перед гробом убитого» [1, с. 92].

Центральный мотив оперы — запретная любовь, результатом которой стала смерть как одержимого страстью героя, так и героини. Характерно для романтических женских персонажей поведение Ады. Благополучному жениху тут противостоит ее тайное влечение к мрачному герою, окутанному тайной. Чем-то соперник Ариндаля Кадольт близок Цампе, который в опере Герольда также охвачен страстью к чужой невесте. Есть в нем общность и с героями поэмы Байрона. Мотив вражды двух знатных семейств дал возможность выстроить в опере масштабные хоровые и ансамблево-хоровые сцены. Уже в этом первом опыте Вагнера-либреттиста ощущается его склонность к созданию широко развернутого сюжета, предполагающего большой исполнительский аппарат. Следует согласиться с выводом биографа Р. Вагнера Х. С. Чемберлена, который считал, что «Свадьба» может свидетельствовать об изначальной индивидуальности девятнадцатилетнего автора [7, с. 358]. Х. С. Чемберлен выделяет особую стимулирующую роль театрального окружения начинающего автора и акцентирует его художественную восприимчивость.

Первой полностью завершенной оперой молодого композитора стала трехактная романтическая опера «Фей». В основу ее либретто положена сказка Карло Гоцци «Женщина-змея» (1762). Это пятая в списке сказок-фьяб итальянского драматурга, твор-

чество которого так ценили романтики [2]. Р. Вагнер мог обратиться к творчеству Гоцци под влиянием высоко ценимого им Э. Т. А. Гофмана. В диалоге последнего, озаглавленном «Поэт и композитор», Гофман среди сюжетов, которые подходят для оперы, называет пьесы Гоцци. В частности, «Ворона», поэт рекомендует своему побратиму-композитору как один из наиболее соответствующих источников истинно романтической оперы.

Весь мир в свои юные годы Вагнер воспринимал словно бы сквозь «гофмановские очки». Видел его загадочным, волнующим, причудливым. В январе 1833 года, отправляясь в Вюртсбург, место своей первой работы и официально полученной театральной должности хормейстера, он остановился в старинном городе Бамберге. Здесь в свое время жил Э.Т. А. Гофман и были написаны его знаменитые «Фантазии в манере Калло», а также особенно любимая в семействе Вагнера повесть-сказка «Золотой горшок». Тут же в Бамберге формировался мир образов гофмановской «Креслерианы», который оказал воздействие на становление музыкальной эстетики Р. Вагнера.

Приступив к выполнению своих обязанностей в Вюртсбурге, Вагнер начинает воплощать в жизнь новый оперный проект, и обращается к пьесам-фьябам К. Гоцци как источнику масштабного замысла оперы «Феи». Пьеса «Женщина-змея», сюжетной канвы которой он в целом придерживается, тем не менее, подвергается в его интерпретации существенному переосмыслению в основной ее концепции. Уже отмечалось влияние, которое оказали на Вагнера романтические оперные образцы, с которыми ему пришлось непосредственно соприкасаться. Пятнадцатилетний Вагнер присутствовал в Лейпцигском театре на представлении оперы «Вампир» Маршнера и, как сам вспоминал впоследствии, шабаш ведьм вначале и вся зловещая фантастика этого произведения произвели на него большое впечатление. В Вюртсбурге он снова столкнулся с этой оперой. Одна из трех ее героинь, Эмма, которая стала жертвой демонического центрального персонажа Рутвена, исполняла тут балладу, в которой коротко воссоздавалась основная фабула произведения. Вспомнив также балладу Камиллы из «Цампы» Ф. Герольда, Вагнер напишет в опере «Феи» вокальный номер, озаглавленный как «Речитатив и романс Гернота». В нем, основываясь на прозаическом рассказе Панталоне, воссоздается история о ведьме Дилноваз. При этом в вагнеровской

версии соединены два однотипных сюжетных мотива, пересказанные у К. Гоцци Панталоне. Первый — это известный сюжет о волшебнице Альчине и плененном ею рыцаре Руджиеро. Посредством кольца Анделики, которое Руджиеро надел на палец Альчины, было развенчано ее колдовство, а сама она превратилась в безобразную старуху. Второй аналогичный рассказ повествовал о колдунье Дилноваз и ее охранительном талисмане. Когда ее муж король Тибета в ярости напал на неверную красавицу-жену и разрубил шпагой спрятанный на ее груди талисман, она на его глазах превратилась в уродливую ведьму. Романс выступал в опере Вагнера в функции баллады, символически связанной с основным сюжетом. Исполняя его, Гернот пребывал в убеждении и пытался убедить своих собеседников, что его господин, принц государства Трамонд Ариндаль, попал под власть таких же, как король Тибета, опасных чар, из плена которых его нужно срочно спасать.

«Оссиановским» именем Ариндаль Вагнер называл героя пьесы Гоцци Фаррускада, царя сказочного Тифлиса. Согласно Гоцци, Фаррускада полюбила фея Керестани, царица столь же сказочного, но не имеющего конкретного исторического прототипа государства Эльдорадо. Дочка смертного царя и феи, Керестани готова ради любви пожертвовать собственным бессмертием и превратиться в обычную женщину. Но за эту измену своей природе ей придется дорого заплатить. Испытания выпадут и на ее долю, и затронут ее любимого, от поведения которого будет зависеть исход их союза. Керестани разрешено остаться с ним с условием, что он не будет спрашивать ее имени и происхождения в течение восьми лет и одного дня, и на протяжении всего этого срока не проклянет ее, что бы ни произошло.

В такой фабульной завязке сразу узнаются два мотива будущих произведений Вагнера. Один из них — готовность ради земной любви пожертвовать своим божественным статусом и пережить наказание, наложенное любимым отцом, а также отречение от других семейных связей. Тут вспоминается история Брунгильды, Вотана и Зигфрида. Исход наложенного испытания и в пьесе Гоцци, и в тетралогии Вагнера, зависит не только от самоотверженности женщины, но и от поведения ее партнера. У Гоцци Фаррускад не выдерживает запрета дважды. Сначала за два дня до окончания испытательного срока нарушить данную клятву его толкает обычное любопытство. В наказание

его любимая жена и мать его двоих детей исчезает вместе со своим дворцом, слугами и детьми, обреченная Фаррускада скитаться в неведенье по пустынной местности. После этого им обоим предстоит пережить цепь испытаний, куда более тяжких. И тут вступает в силу столь важный в «Лоэнгрине» мотив абсолютного доверия. Но по сравнению с тем, что предстоит выдержать героям пьесы Гоцци и ранней оперы Вагнера, задача, поставленная перед Эльзой, выглядит куда проще. К тому же Лоэнгрин лишен всяких колебаний и сомнений и не находится перед лицом выбора, подобно Фаррускеаду-Ариндалю. Когда вопрос Эльзы вынуждает его открыть свое имя, он не рассматривает иной альтернативы, кроме возвращения в царство Грааля.

По пьесе Гоцци Фаррускад не должен проклинать жену, несмотря на ужасные злодеяния, которые она на его глазах совершает. Если можно представить похожую ситуацию в «Лоэнгрине», тогда на глазах благородного рыцаря Эльза должна была уподобиться злобной и мстительной Ортруде. Когда действия Керестини переполняют чашу терпения Фаррускада и он ее проклинает, она становится отвратительной змеей, как и было предсказано заранее. После этого кульминационного момента в пьесе наслаивается еще целый ряд фантастических эпизодов и превращений, прежде чем наступит счастливая развязка. Звучит голос помогающего герою волшебника Джонки (у Вагнера он назван Грома). Появляется из гробницы сначала страшный Бык, с которым Фаррускаду приходится сражаться. После нелегко давшейся победы над Быком ему предстоит биться с Великаном. Наконец из гробницы выползает отвратительная змея, которую он далеко не сразу решается признать за свою прекрасную жену и поцеловать. И только этот поцелуй снимает заклятие и приводит к финалу. В последнем явлении третьего акта пьесы объявляется, что Фаррускад с Кересани будут править в Эльдорадо, а в родном для него Тифлисе останутся в качестве правителей его сестра Канцаде и визирь Торгул, с которым она вступит в брак.

Также, как имена героев, Вагнер в своем тексте изменил главный мотив пьесы. Фея названа здесь Адой и не ассоциируется с образом женщины-змеи, отсюда происходит изменение названия оперы. Наказанием за проступок героя, который не выдержал испытания и проклял любимую, становится у Вагнера ее превращение в статую (мотив, заимствованный из другой

пьесы-фьябы К. Гоцци «Ворон»). Но главное изменение коснулось центрального сюжетного мотива.

В пьесе Керестани отстаивает свое право стать смертной, чтобы быть вместе с возлюбленным и разделить его судьбу. Это осложняет отношение с феями-подругами Фарзаной и Дземиной, которые всеми силами пытаются отговорить ее от такого решения. Героическая решимость выдержать испытания тут в равной степени требуется от двоих героев. Что касается Фаррускада, то он должен сохранять верность возлюбленной вопреки явным и очевидным ее поступкам. То есть его девизом должны были бы стать слова Тертуллиана: «Верю, потому что это абсурдно». Но, перефразируя Ф. Ницше, можно было бы сказать, что в герое Гоцци возобладало «человеческое, слишком человеческое». В интерпретации Вагнера Ариндаль проходит похожую цепь испытаний, но конечная цель у него иная. Он должен нравственно очиститься, возвыситься, и тогда вместе с феей сможет обрести бессмертие. И в этом ему на помощь приходит его художественный дар — искусство.

«Фей» задумывались и были созданы в жанре большой романтической оперы. Этим объясняется решение Вагнера-либреттиста отказаться от присутствующих в пьесе К. Гоцци типичных масок комедии *dell'arte*. У Гоцци они составляют существенный драматургический компонент пьесы-фьябы, а именно: включены в интригу, ведут комические диалоги и словесные перепалки, связанные с актерской импровизацией. Появление таких персонажей связано с эстетикой условного игрового театра и могло бы нарушить жанровую целостность оперы. Однако некоторые их функции переданы в тексте Вагнера бытовым второстепенным героям, которые происходят от аналогичных образов немецкого зингшпиля. Как пишет А. Стольберг, «Труффальдино и Смеральдина становятся «любимой парой» Гернотом и Дроллою, чей дуэт буффо во втором акте функционирует как замена отсутствующих лацци.

Панталоне становится Гунтером, а фигуры Тарталио и Бригеллы исключаются» [11, с. 174].

Интересно проявляется в либретто «Фей» связь с волшебной оперой типа «Армиды», сюжет которой заимствован из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». Как мы знаем, у Тассо черты эпической героической поэмы соединены с мотивами приключенческих рыцарских романов. Подобно этому у Вагнера волшебные сцены и представляющие их участни-

ки (феи, невидимые духи, волшебник Грома, земные духи) разворачиваются параллельно с сюжетной линией, повествующей о судьбе оставленного Ариндалем царства Трамонд. Также, как в истории Армиды, где двое рыцарей отправились на поиск попавшего в любовные сети и забывшего о высоком служении Ринальдо, в «Феях» придворные короля Трамонда Моральд и Гюнтер ищут и находят пропавшего почти восемь лет назад Ариндаля. Сам герой в это время преисполнен отчаянья, ведь из-за нарушения запрета он утратил любимую. Тщетно он зовет Аду, но ему отвечает лишь эхо. И снова, как не вспомнить первую арию Орфея в опере Глюка!

В завершении второй картины оперы Вагнер устраивает сложный действенный ансамбль, чтобы ввести тему Трамонда и событий, с ним связанных. Третья картина первого акта, как и его начало, происходит в саду фей. Вагнер решает ее как масштабный Финал сквозного строения, который состоит из семи непрерывно следующих один за другим эпизодов. Ариндаль остается один, и во сне ему является Ада. Экспозиция ее образа дается в каватине, которая перерастает в сцену и дуэт. Ада обещает любимому, что скоро их судьба решится, но для этого он должен отправиться домой и дать ей клятву не проклинать ее ни при каких неожиданных обстоятельствах. Затем, когда появляются остальные герои, в большом ансамбле Гюнтера, Моральда и хора их спутников все выражают готовность сопровождать найденного короля в родные края. Но тут в события вмешиваются персонажи фантастического царства фей. Завершается финал двухчастным ансамблем с хором, сначала в виде скорбного Адажио, а затем динамичного заключения.

Второе действие происходит в столице государства Трамонд. Фантастический мир сменяется исторической реальностью. В начале акта мы узнаем, что в стране объявлен траур. Жители оплакивают потери после битвы с врагом. Возвращение Ариндаля как будто бы дает народу надежду. Но молодой король сам раздавлен и не способен возглавить сопротивление. Главнокомандующим становится Моральд, который ведет войска на борьбу с врагом.

Большую роль играют в этом акте насыщенные драматизмом и действенностью хоровые сцены. Появляются и новые персонажи: сестра Ариндаля Лора (в пьесе Канцаде), ее горничная Дролла, полководец Ариндаля Харальд, а также двое детей Ариндаля и Ады. Участвуют здесь и подруги Ады, феи Фарза-

на с Дземиной. Главные события — это испытание Ариндаля, которого он не выдерживает и проклинает свою жену.

Данью существующим оперным традициям можно считать портретные характеристики побочных персонажей. Такова Ария Лоры, состоящая из лирической медленной и виртуозной быстрой части с подключением хора. Но в особенности это относится к уже упомянутому буффонному дуэту Гернота и Дроллы в духе жанровых эпизодов простонародных персонажей немецких зингшпилей. Дуэт, подобно интермедиям с участием персонажей-масок в пьесе К. Гоцци, выполняет оттеняющую функцию, временно снимая напряжение перед основными драматическими сценами. Жанровые эпизоды и завершенные музыкальные номера, наиболее связанные с оперными традициями, привели Х. С. Чемберлена к выводу об относительном преобладании в «Феях» музыкального выражения. Вагнеровский биограф дает свое объяснение этой особенности, которую усматривает в недостаточной опытности Вагнера-музыканта: будущий Мастер «еще не может доверять себе и двигаться в музыке, как в своей природной стихии» [7, с. 367, 369].

Центральные события акта связаны с появлением Ады в грозном и пугающем облике. На глазах у Ариндаля она бросает их общих детей в пылающий огонь. Прибегают воины, которые сообщают об окончательном поражении войск Трамонда. По их словам, причиной этого стало появление вооруженной женщины по имени Ада. Это известие переполняет чашу терпения Ариндаля. Он проклинает свою жену, и тут же узнает от ликующих фей и отчаянной Ады, что это было всего лишь испытание, которое он, к сожалению, опять не выдержал. Аде возвращено бессмертие. Но при этом оказывается, что платой за это станет ее превращение в каменную статую. Ариндаль, который понял и осознал свою вину, впадает в безумие. Тут Вагнер отдал дань излюбленным сценам такого рода в операх итальянских композиторов романтической эпохи.

Ария впавшего в безумие Ариндаля состоит из контрастных фрагментов, рисующих его неустойчивое эмоциональное состояние. В следующем терцете Ариндаля, Дземины и Фарзаны обе феи просят его отправиться в путь на поиски исчезнувшей Ады, но их не волнует счастье влюбленной пары. Они хотят защитить Аду от опасности утраты отвоеванного бес-

смертия, что может случиться, если Ариндалю удастся ее расколдовать.

Все последующие события изложены в развернутом Финале третьего акта с участием хора, с динамичной сменой контрастных эпизодов. Чтобы проникнуть в волшебную страну, Ариндаль сражается с духами. Волшебник Грома наставляет его, как пользоваться оружием. Наконец, король находит Аду, но, увы, в облике каменного изваяния. Снова не помощь Ариндалю приходит Грома. По его совету Ариндаль расколдовывает Аду пением и игрой на лире. Важно отметить, что этот сюжетный мотив отсутствует в обеих пьесах К. Гоцци. В опере его введение позволяет реализовать центральную для всего дальнейшего творчества Вагнера идею «искупления любовью» (Erlösung durch Liebe). Вместе с тем в переосмыслении кульминационного эпизода спасения возлюбленной и ее освобождения от чар проявляется влияние другого оперного образца, оперы «Орфей» высоко ценимого Вагнером К. В. Глюка.

Король фей принимает Ариндалю в свое государство за его мужество и отвагу. Он добровольно и навсегда покидает мир обычных смертных, а Моральду и Лоре отдает своих детей и корону. В сопровождении ликующих бессмертных Ариндаль отправляется в царство фей. Отныне он навечно соединен с любимой.

Мотив абсолютного доверия, верности в любви вопреки абсурду реальных событий был особенно важен для молодого, начинающего свой путь художника. Рихард Вагнер, становление которого было связано с трудностями и испытаниями, в эти ранние годы особенно нуждался в поддержке и вере в него близких ему людей. Однако ему приходилось часто сталкиваться со скептицизмом и недоверием в истинность его композиторского призвания. Сестра Розалия раскритиковала сюжет и замысел «Свадьбы». Он оперу забросил, но польза от первого оперного проекта оказалась несомненной, ибо тут он уже выступал в двойной роли композитора и либреттиста. А дальше на пути оперного композитора его ждала еще одна неудача. Полностью завершенная опера «Фей» не смогла пробиться на сцену.

В январе 1834 года Вагнер заканчивает партитуру «Фей». Он надеется, что опера будет поставлена в Лейпциге и рассчитывает на хорошие контакты в театре, а также на протекцию книгоиздателя Ф. А. Брокхауза, мужа его сестры Луизы. Однако обещанная

интендантом театра постановка все время откладывалась на неопределенный срок, в конце концов, при жизни автора она так и не состоялась. 10 января 1835 года в театре Магдебурга была исполнена лишь увертюра к опере. А в 1865 году к рождественскому празднику композитор подарил рукопись партитуры «Фей» своему покровителю, королю Людвигу II Баварскому.

Впервые опера «Фей» прозвучала в Мюнхене 29 июня 1888 года, через пять лет после смерти композитора. Следующая постановка состоялась в Праге 8 февраля 1893 года. В 1914 году «Фей» были поставлены в Цюрихе (Швейцария), а в 1969 году — в Миланской опере Ла Скала.

Выводы. По восстановленному тексту либретто ранней незавершенной оперы «Свадьба» уже можно наблюдать, как рано в этой области Вагнер-либреттист вышел на собственную дорогу. Важное значение приобретает уже тут первый этап работы над избранной темой, который завершается созданием четкого сценарного плана. В нем суммированы и обобщены впечатления от нескольких источников: повести XIII века «Верность жены», книги И. Г. Бюшона «Рыцарские времена и рыцарское существование», оперы Ф. Герольда «Цампа», а также мистической атмосферы произведений любимого им Э. Т. А. Гофмана. Вместе с тем в собственную неоконченную новеллу, создание которой предшествовало написанию либретто, Вагнер ввел новые мотивы, которые отсутствовали в перечисленных произведениях. Это касалось решения начать действие сценой свадебного торжества и включить конфликтный мотив вражды двух аристократических семейств. Такой же мотив получит более широкое развитие в третьей из ранних завершенных оперы композитора, «Риенци».

В романтической опере «Фей» самостоятельному переосмыслению сюжетного материала пьесы К. Гоцци способствовало включение сюжетных мотивов таких ранних романтических опер, как «Вампир» Г. Маршнера и «Цампа» Ф. Герольда, замены масок традиционной комедии dell'arte бытовыми персонажами немецкого зингшпиля, использования романтической темы силы искусства, побеждающего колдовство и чары. Выявлена в ней также роль параллелей, возникающих со старой «волшебной оперой» и с творчеством К. В. Глюка.

Многие исследователи отмечали, что некоторые идейные и сюжетные мотивы роднят оперу «Фей»

с будущим «Лоэнгрином». Это тайна имени героини и ее происхождения, преждевременное раскрытие которой грозит драматическими последствиями. Также в партитуре, особенно в ее волшебных сценах, прослеживаются отдельные эпизоды, тематически перекликающиеся с «Тангейзером». Это касается характерно романтического мотива двоемирия, в котором существует главный герой. Тангейзер преодо-

левает чары Венусберга и возвращается в реальный мир Вартбурга, но, как мы знаем, и здесь его мятежный дух не находит успокоения. В «Феях» миссию Елизаветы фактически выполняет Ада, которая обеспечивает Ариндалю место в царстве бессмертных. Он же уподобляется Орфею, когда пением и игрой расколдовывает от чар возлюбленную, и тем самым получает прощение за нарушенные обеты.

Список литературы

Книги и монографии:

1. Гоцци Карло. Сказки для театра. Полное собр. в одном томе. Альфа- книга, 2013.– 974 с.
2. Вагнер Р. Моя жизни.– М.: Изд-во Экмо; СПб.: Изд-во Terra Fantastica, 2003.– 864 с.
3. Костенников А. М. Ансамблево-хоровой комплекс в музыкальном театре Р. Вагнера, монография / Севастополь: из-во Вебер, 2011.– 208 с.
4. Либреттология. Восьмая нота в гамме. Сборник статей: Учебное пособие. Составители Ю. Димитрин, А. Стеценко. Санкт-Петербург: Лань: Планета музыки, 2020.–336 с.
5. Музыка Австрии и Германии: В 3 кн.– Кн. 3.– Москва: Композитор, 2003.– 450 с.
6. Хойслер Андреас. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М.: Иностранная литература, 1960.– 441 с.
7. Чемберлен Х. С. Рихард Вагнер пер. с нем. и предисл. С. А. Никитина –СПБ.: Владимир Даль, 2016.– 583 с.
8. Шалагинов Б. Б. Класици і романтики. Штудії з історії німецької літератури XVIII–XIX століть.– Київ: видавничий дім «Київо-Могилянська академія», 2013.– 440 с.
9. Smith J. Patrick. The tenth muse: A Historical Study of the Opera Libretto/ – London. Victor Gollanez LTD, 1971.– 417 p.

Ссылки на статьи и аннотации:

10. Levi Hermann: Wagner Richard. Die Feen, romantische Oper in drei Acten von Richard Wagner /Historisches Aufführungsmaterial der Bayerischen Staatsoper / Bayerische Staatsbibliothek/ Digitalisat-Bestellung– BSB Katalog.
11. Stolberg Arne. Gottheit, die der Sterbliche besitzt. Wagners „Die Feen“ im Zeichen von Kunstreligion und „musikalischen Mystizismus“. /Richard Wagner. Die Frühwerke. Rienzi. Das Liebesverbot. Die Feen. Nord Concept GmbH. Kulmbach, 2013.– P.169–185.

Диссертации:

12. Антипова Н. А. Фантастическое в немецкой романтической опере: дис. канд. искусствоведения: 17.00.02 / Н. А. Антипова.– М., 2007.– 182 с.
13. Шалагинов Б. Драматургия Р. Вагнера 1840-х годов (особенности творческого метода): автореф. дис. канд. филологических наук / Б. Шагинов.– М., 1973.– 20с.

Нотные издания:

14. Wagner, Richard „Die Hochzeit, WWV 31“. For voices and chorus with orchestra; German language, 2012.
15. Wagner, Richard „Die Feen“. Romantische Oper in drei Akten. Klavierausung/ Ries&Erlier. Berlin. 2004.

Сведения об авторе:

Богданова-Холодова Людмила Константиновна, докторант кафедры истории и мировой музыки Национальной музыкальной академии Украины им. П.И. Чайковского, Киев. Солист оперных театров Германии, член «Selbständige Künstler und Publizisten» («Независимые артисты и публицисты»).

E-mail: luci0808@ukr.net; ludmila-bogdanova@t-online.de

Tel: +38093-218-99-62; +490157-733-82-494

ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0003-3146-0889>

L.K. BOGDANOVA-KHOLODOVA,¹¹ *Petro Tchaikovsky National Music Academy of Ukraine*

WAGNER'S EARLY WORK ON OPERA LIBRETTOS — BASED ON THE EXAMPLES OF THE OPERA “WEDDING” AND “FAIRY”

Abstract

Objective: to reveal R. Wagner's giftedness during his early career stages as an author of scenario plans for his own operas on the example of his two earliest opera projects.

Methods: a mixture of historical and biographical methods as well as methodological approaches that have been developed in the new scientific field of libretto.

Results: the creativity of the young author is revealed through his first experiences in generating opera librettos. R. Wagner's composition manner has developed through a meaningful reanalysis of selected first literacy sources on the basis of generalizing previously acquired artistic impressions, real-life experiences, active inclusion of his own creative ideas as well as story motives. This can be regarded as the first steps towards a fundamental interpretation of poetic texts created for mature operas by R. Wagner which represented self-sufficient work and independency in concept. Wagner himself perceived his texts as a separate entity from musical text by calling them “poems”.

Scientific novelty: the unfinished opera “The Wedding” which is usually left out when considering the early operas of the composer, written before “The Flying Dutchman” is regarded in the context of literary and theatrical impressions as well as in the context of other sources playing a substantial role in the establishment of aesthetic views and beliefs of a novice author. The opera is contrasted to the first opera project “Fairies”, in which the influence of Orpheus by K. V. Gluck is revealed along with general romantic features. Likewise, plot motifs of the old “Magic Opera” based on the image of Armida were examined, who was the heroine of the epic poem “Jerusalem Liberated” by T. Tasso. Along with this, the main emphasis is placed on specific life circumstances and the perspectives of the entire work of the young author. These emerged through a new conceptual approach in the play-fiaba, originally created by K. Gozzi “The Woman-Snake”, which served as the literary foundation of the opera.

Practical significance: the materials of the article can be used in music history courses, the history of opera, can be useful to opera directors, creators of modern opera librettos and composers working in the field of music theaters.

Keywords: opera, opera libretto, libretto, early work of the composer, musical romanticism.

References:

Books and Monographs:

1. Wagner, R. Moya zhizn (“My life”), Moscow: Ekmo, Terra Fantastica 2003.– 854 p. (in Russ.).
2. Gozzi Carlo, Fairy tales for the theater („Le fiabe teatrali”), Complete collection in one volume Alpha Kniga, 2013.– 974 p.
3. Kostennikov A. M., Ansamblevo-horovoy complex v muzikalnom teatre R. Wagnera („Ensemble-choral complex in the musical theater of R. Wagner”), monograph / Sevastopol: from Weber, 2011.– 208 p.
4. Librettologia, Vosmaja nota v game („Librettology. Eighth note in the scale”), Collection of articles: Textbook, Compiled by Y. Dimitrin, A. Stetsenko. St. Petersburg: Lan: Planet of Music, 2020.–336 p.
5. Music of Austria and Germany: In 3 vols.– Book. 3.– Moscow: Composer, 2003.– 450 p.
6. Heusler Andreas. Germanskiy geroicheskiy epos i skazaniye o nibelungax, („Germanic heroic epic and legend of the Nibelungs”). Moscow: Inostrannaya literatura, Foreign Literature, 1960.– 441 p.
7. Chamberlain H. S., Richard Wagner. per. with him. and foreword. S. A. Nikitin-SPB.: Vladimir Dal, 2016.– 583 p.
8. Shalaginov, B.B., Klasiki i romantiki. Shtudii z istorii nimezkoi literaturi XVIII–XIX stolit (Classics and romantics. Studies of the German historical literacy in the XVIII–XIX centuries), Kyiv: Kyivo-mogilyanska akademiya, 2013.– 440 p. (in Ukr.).

9. Smith J. Patrick. The tenth muse. A Historical study of the Opera Libretto// – London. Victor Gollanez LTD, 1971. – 417 p.(in Engl.)

Links to articles and abstracts:

10. Levi Hermann: Wagner Richard. „Die Feen“ („The Fairies“), romantic opera in three acts by Richard Wagner / historical performance material of the Bavarian State Opera / Bavarian State Library / digital copy order – BSB catalog.
11. Stolberg Arne. Deity possessed by mortals. Wagner’s „The Fairies” under the sign of art religion and „musical mysticism”/ Richard Wagner. The early works. „Rienzi”. „The Ban on Love”. „The Fairies”. Nord Concept GmbH. Kulmbach, 2013. – P.169–185.

Dissertations:

12. Antipova, N. A. Fantasticheskoye v nemezkoj romanticheskoy opere. (Fantastic issues about the German opera). Dissertation in art history: 17.00.02. Moscow, 2007. –182 p. (in Russ).
13. Shalaginov, B. B. Dramaturgia R. Wagnera 1840-ch godov – osobennosti tvorcheskogo metoda. (Dramaturgy of R. Wagner in the 1840s – features of creative methods). Dissertation in philological sciences, Moscow, 1973. – 20 p. (in Russ).

Music editions:

14. Wagner, Richard „Die Hochzeit, WWV 31”. For voices and chorus with orchestra; German language, 2012.
15. Wagner, Richard „Die Feen“ („The Fairies“), Romantic opera in three acts. Piano reduction; Klavierauszug, Ries & Erlier, Berlin, 2004.

Information about the author

Bogdanova-Kholodova Liudmyla Kostiantynivna — doctoral student, Department of History and World Music, Petro Tchaikovsky National Music Academy of Ukraine, Kiev. Soloist of opera theatres in Germany, member of the “Selbständige Künstler und Publizisten” (“Independent artists and publicists”)

E-mail: luci0808@ukr.net; ludmila-bogdanova@t-online.de

Tel: +38093-218-99-62; +490157-733-82-494

ORCIDID. <https://orcid.org/0000-0003-3146-0889>

И. А. ТИМЧЕНКО-БЫХУН,¹¹ Киевская муниципальная академия музыки имени Р. М. Глиэра

«ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ПОЛЬКА» М. ГЛИНКИ: АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Аннотация.

Цель: исследовать пьесу М. Глинки «Первоначальная полька» в 4 руки 1852 г. в контексте жанра парафраза композитора; определить автобиографические черты пьесы; изучить и обозначить проблематику названия сочинения.

Методы: принципы методики культурологического комментария, разработанного в музыковедении в трудах С. Тышко и С. Мамаева [1], С. Тышко и Г. Куколь [2]. Методика применяется в виде аналитического комментария к музыкальному тексту при совмещении биографических сведений и смыслов произведения на фоне исследования композиторского стиля позднего периода.

Результаты: обоснование жанровой природы пьесы определяет ее исследование в контексте отдельной жанровой сферы фортепианных сочинений Глинки — области парафраза; принципы изучения музыкальных сочинений и фактов творческой биографии композитора в неразрывной связи дают основания утверждать, что миниатюры последнего творческого десятилетия Глинки обращены к его прошлому, т.е., автобиографичны.

Новизна: фортепианная пьеса «Первоначальная полька» впервые подробно рассматривается в контексте парафразов М. Глинки; впервые посредством аналитического комментария к музыкальному тексту пьесы выявлены автобиографические смыслы танцевального произведения 1852 г.

Практическая значимость: материалы исследования могут быть использованы в курсах истории мировой и славянской музыки, в курсах анализа музыкальных произведений и музыкальной интерпретации.

Ключевые слова: фортепианные парафразы М. Глинки, автобиографические смыслы, аналитический комментарий к музыкальному тексту, заимствованная тема, жанр парафраза Глинки, композиционные и драматургические решения, танцевальные жанры, фактурная обработка темы.

Для цитирования: Тимченко-Быхун И. А. «Первоначальная полька» М. Глинки: автобиографические реминисценции // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, №1–2. – С. 14–19. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-1.2-14-19>

Введение

«К пасхе, по желанию сестры, я написал «Первоначальную польку» (так она названа в печати). Эту польку я играл в 4 руки с 40 года, написал же ее в апреле 1852» [3, с. 340]. Так М. Глинка прокомментировал в «Записках» обстоятельства сочинения Польки в 4 руки, добавив в примечании: «Издание прескверное и неверное!» [3, с. 340]. Известно, что композитор не был согласен с таким названием сочинения, предпочитая, видимо, ограничиться обозначением жанра: Полька. Однако и теперь в пианистической практике пьеса известна исключительно как «Первоначальная полька» — несмотря на отсутствие в нотном автографе композитора, соответственно, и в Полном со-

брании фортепианных сочинений М. И. Глинки, такого наименования. Возмущение М. Глинки по поводу некомпетентности первого издательства, связанное с многочисленными текстовыми погрешностями, понятно. Но в чем заключается ошибочность названия? И что в действительности представляет собой одна из заключительных фортепианных пьес композитора?

Как и большинство фортепианных сочинений последних творческих лет Глинки, пьеса, со всей очевидностью обращенная к темам и образам прошлого, мало изучена музыковедами. Т. Ливанова и Вл. Протопопов ограничиваются заслуживающей внимания цитатой В. Стасова о наличии в польке «оригинальнейших вариаций на одну очень известную поль-

ку», прелестных юмористических подробностей, а также про ее достойное место «между мелкими сочинениями-капризами Глинки» [4, с. 103].

Общеизвестно, что в последние годы (начиная с 1852) композитор настойчиво возвращался к собственным сочинениям прежних лет, создавая их оркестровые версии («Вальс-фантазия», романсы), воплощая в пьесах неосуществленные ранее музыкальные замыслы («Андалузский танец», «Детская полька»), инструментуя сочинения других авторов («Приглашение к танцу» К. Вебера, «Память дружбы» И. Гуммеля). Но даже в этом списке сочинений «Первоначальная полька» Глинки, основанная на теме популярного в 1840-е годы танца, должна рассматриваться как исключение. Ведь, поскольку пьеса представляет собой индивидуализированное авторское произведение с использованием известного музыкального материала, то и должна быть изучена как парафраз — в сфере данной жанровой области композитора.

Но вначале раскроем полнее ситуацию написания и выскажем предположение о причинах недовольства композитора названием.

Результаты исследования

На автографе Польки рукой композитора начертана следующая надпись: «Кончена 14 марта 52 года. СПбрг на Невском в доме Жукова на квартире поручицы Люд. Ив. Шестаковой в каморке, отведенной в вышеозначенной квартире для М. И. Глинки» — данные сообщены Н. Загорным в комментариях к Полному собранию фортепианных сочинений Глинки (как далее утверждает автор комментария, в «Записках» композитором допущена ошибка в дате) [5, с. 140]. Название «Первоначальная полька» закрепилось за пьесой вследствие издания К. Гольца, титул которого гласил: «Первоначальная полька, положенная для фортепиано на четыре руки М. И. Глинкою для сестры его А. [sic!] И. Шестаковой. С. Петербург у К. Ф. Гольца ... На Невском проспекте, у Казанского моста, в доме Имзена № 23 по Канаве ...» [4, с. 209; 5, с. 140]. Возмущение Глинки вызвало множество опечаток и «просто музыкальных нелепостей» [5, с. 140]. Кроме того, написанная для сестры Людми-

лы Ивановны пьеса была наполнена особыми смыслами — символикой семейственности, домашнего тепла, что определяло и особое отношение к ней композитора. Естественно, ошибка в имени сестры, также не могла не огорчить его.

Но название? Думается, это объясняется просто: вариант «Первоначальная полька» отсылал к тексту популярной пьесы и нивелировал степень глинкинской индивидуальности в сочинении. А ведь тема польки в нем стала лишь интонационным поводом для развернутого вариационного цикла. Такие случаи прокомментированы Е. Назайкинским: «Тема не присоединяется к вариациям <...>, а существует как инвариант некоего фрагмента музыкальной культуры, известной музицирующим и слушателям (например, поющим, танцующим) до исполнения [6, с. 17]. Степень узнаваемости темы польки и так была велика — видимо, композитор предпочел бы избежать этой очевидности (например, известно, что Глинка часто включал в парафразы дополнительные темы, помимо указанных в названии, сохраняя своеобразную загадку). Так что В. Стасов, назвавший пьесу «вариациями на первоначальную польку»¹, был, по сути, абсолютно прав [5, с. 140]. Однако теперь дистанция более чем в 160 лет сгладила данное противоречие, и практика определила предпочтительный вариант — «Первоначальная полька».

С осени 1852 года Глинка живет в Петербурге с сестрой; именно тогда у него проходят музыкальные вечера с совместным музицированием гостей. Так, в комментариях к «Запискам» указывается: «"Играция в 4 руки" процветало в доме Глинки в 1851–1852 гг. и во время его последнего пребывания в Петербурге в 1854–1856 гг. Количество участников менялось, и ансамбль доходил иногда до 6 человек (12 рук) <...> Репертуар состоял преимущественно из произведений Баха, Бетховена, Керубини, Вебера и Глинки. Переложение делали участники ансамбля: Серов, Энгельгардт, немного В. В. Стасов» [3, с. 415].

Не правда ли, очевидно, что этими вечерами и навеяна идея 4-х-ручной польки? А также воспоминаниями о прежних периодах музицирования и импровизационного сочинительства, часто на темы из

¹ Приведем более полную информацию: «В автографе Польки ни на титуле, ни на заглавной странице название не указано. По существу же, название «Первоначальная полька» может быть отнесено лишь к основному тематическому материалу ее — к старинной польке, широко распространенной в середине и даже в конце XIX в. Эта полька в оркестровой редакции игралась в Павловске Штраусом и Гунглем. ... В. Стасов с полным основанием называет это сочинение Глинки «вариациями на первоначальную польку»» [5, с. 440].

популярных сочинений — как было в итальянской поездке начала 1830-х годов, когда Глинка и певец Иванов, возвращаясь из Миланского оперного театра наполненными мелодизмом бельканто, исполняли полюбившиеся темы, собирая под окнами слушателей.

Именно тогда ведущим фортепианным жанром для Глинки на три года стал парафраз в форме вариаций на оперные темы; и теперь, спустя 30 лет, весной 1852 года композитор создает вариационный цикл, в котором все — от жанра парафраза и композиции в форме вариаций на заимствованную тему — есть воспоминания. Это память и о популярной более 10 лет назад мелодии, и о принципе спонтанно возникающих в процессе игры вариациях, которые записывались и сочинялись заново, и о жанре парафраза, диалогическая природа которого усиливается совместным музицированием.

По-видимому, пьеса быстро нашла признание слушателей. В комментариях к письму М. И. Глинки В. Ф. Одоевскому (март-апрель 1852 года, Петербург) высказывается предположение о том, что еще до отъезда за границу Глинка мог приобрести 10 экземпляров издания [7, с. 328]. В таком случае именно с этой пьесой связаны слова Глинки из письма Л. И. Шестаковой от 8 июля 1853 года из Парижа: «Твоя полька здесь у меня в большом ходу и приводит парижан, в особенности парижанок, в умиление» [7, с. 379].

Итак, «Первоначальная полька» — это парафраз, написанный в характерном для этой жанровой области Глинки виртуозном стиле, хотя и ориентирован на бытовое исполнение. Развернутое фортепианное сочинение нельзя назвать миниатюрой (известно, что впоследствии М. Балакирев переложил ее для оркестра).

В соответствии с глинкинским принципом композиции парафраза, «Полька» в 4 руки открывается развернутой интродукцией с авторским указанием: *Moderato assai. A capriccio*; ее тональность В-dur, размер 2/4. Вступительный раздел пьесы задает диалогический тип фактуры: исполнители в начальных тактах передают друг другу тематическое зерно пьесы — мотив с восходящим квартовым скачком от V к I ступени, звучащий в среднем и высоком регистрах. Это создает лирическое настроение диалога.

Тема польки изложена в соответствии с характерным глинкинским принципом показа темы в облегченном, не перегруженном фактурными средствами виде — для возможности постепенного варьирования

и последовательного наращивания звучности к ярко-му виртуозному финалу.

Восьмитактовая тема польки проходит то в низком регистре (малая октава), то в высоком (вторая октава), в окружении острых стаккатированных аккордов. Основное звено темы — это два симметричных мотива: восходящий скачок компенсируется нисходящим. Ее четкий ритм, запоминающаяся мелодика, — то есть качества, удобные для танца, — видимо послужили в свое время широкой популярности пьесы.

Глинка выстраивает сочинение как калейдоскопический ряд стремительно сменяющих друг друга вариаций (каждая в форме периода), общее число которых составляет 14. Завершается Полька развернутой кодой, которая, в соответствии с композиторскими принципами жанра парафраза, виртуозна, стремительна, и построена на прежнем материале.

В первой вариации скерцозного типа Глинка использует один из излюбленных приемов создания скерцозности; добавлением коротких форшлагов к каждому звуку мелодии он создает шутовское и одновременно сказочное звучание, чему способствуют и звенящие трели, формирующие фонический колорит. Подобная фактурная работа с темой была применена им прежде в итальянских пьесах: например, в Вариационном цикле на тему из балета «Киа-Кинг» 1831 г., или в Экспромте в форме галопа на тему из оперы «Любовный напиток» Г. Доницетти для фортепиано в 4 руки 1832 г. — сочинениях тех лет, когда «в европейской музыке началось «вариационное поветрие» (определение Шеринга), в той или иной мере связанное с салонным музицированием», — пишут С. Тышко и С. Мамаев [1, с. 274].

Следующие три вариации развивают скерцозное начало, для чего композитор задействует разнообразные возможности фактурных приемов: широкое движение пластов фактуры при остинатности ритмических формул; октавное удвоение мелодии с акцентированной каждой второй долей начального мотива с чередованием в басу основного тона и аккорда (в тональности доминанты); вычленение из темы отдельных оборотов в нисходящем движении, создающее ощущение стремительного спуска.

Пятая вариация открывает новый раздел своеобразного цикла. Возвращается основная тональность, мелодия темы звучит в первоначальном виде, располагаясь в среднем регистре на фоне триольного сопровождения высокого (3, 4 октавы). Это придает ей

лирическую окраску и одновременно создает ощущение рондальности.

Следующая вариация вновь обращена к излюбленным глинкинским приемам прежних парафразов, с гаммообразными эпизодами этюдного типа — на этот раз, к разделу Вариационного цикла на тему из оперы «Монтекки и Капулетти» В. Беллини (1832 г.). Восходящее движение легато в триольном изложении создает нежный, но и динамичный образ.

Здесь появляется новая ритмическая формула — синкопа в верхнем регистре на фоне двух звуков триоли в басу. Ее остигатность настойчива, а постепенное добавление аккордовых звуков в вертикали создает первую кульминацию.

Седьмая вариация — вновь Es-dur — продолжает зону кульминации, но менее активного характера. На фоне pp появляется авторское указание: *la mano dritta e staccato assai, la sinistra mano e poco piu sensibile e pesante* (прямая рука очень отстраненная, левая чуть более чувствительная и тяжелая). Это должно дать стремительность аккордовому движению верхнего регистра. Следующий раздел является переходом к яркой вариации *Brillante* (он построен на безостановочном движении вычлененных из темы мотивов).

Девятая и десятая вариации возвращают стремительное восходящее движение, уже с преобладанием шестнадцатых длительностей (фактура становится прозрачной). Смена тональности (G-dur) привносит новые ффонические краски; в следующих разделах, включая начало коды (B-dur — Es-dur) используются прежние приемы (короткие и длинные трели, охватывающие несколько тактов, гаммообразные восходящие пассажи, синкопы), однако расширяющийся диапазон, возрастающая динамика, свидетельствуют о приближении завершения пьесы. Минорный флер, появляющийся в коде перед окончанием, усиливает динамизм финального раздела. Кода завершается постепенным замиранием на долгих выдержанных аккордах — окончание, которое, по художественным законам равновесия, компенсирует крупную форму стремительно сменяющих друг друга эпизодов.

Резюме. Ряд композиционных и драматургических принципов «Первоначальной польки» характерен в целом для глинкинских парафразов — жанра, связанного в первую очередь с сочинениями до итальянского и итальянского периодов творческой биографии Глинки. Музыкальное развитие темы польки соответствует большинству глинкинских приемов, применяемых

в парафразах: заимствованная популярная, узнаваемая тема изложена в фактурно облегченном виде, присутствует развернутая интродукция и бравурная яркая кода, подытоживающая тематизм сочинения.

Здесь Глинка высвечивает и обыгрывает различные интонационные аспекты заимствованного материала простой танцевальной мелодии, но не стремится обнаружить в ней иные жанровые знаки. Фактурная работа на протяжении вариационных эпизодов сводится к изменению характера-настроения, к калейдоскопичности меняющихся типов движения. Однако использование драматургического принципа чередования интонационно связанных между собой четырнадцати контрастных эпизодов является нехарактерным для парафразов композитора (в вариационных циклах при наличии интродукции и коды, вариаций могло быть четыре или пять). Нет здесь и явной драматургической линии образно жанрового развития от этюдно-скерцозной сферы через лирический ноктюрн к виртуозному обобщающему финалу.

Но обращение к прежнему, отложенному на десять с лишним лет музыкальному материалу, находится в русле глинкинских стилизованных принципов фортепианной музыки последнего десятилетия. Этим, видимо, обусловлено и воспоминание о жанре парафраза как музыкальном способе переосмысления чужого музыкального материала. А калейдоскопичность контрастных эпизодов танцевальной формы близка также драматургии его дансанных вальсов и контрадансов периода работы над оперой «Руслан и Людмила».

«Первоначальная полька» М. Глинки — одна из заключительных фортепианных пьес композитора — является популярной в пианистической практике. Тщательно выверенная фактура дуэтного сочинения, опора на широкий круг технических задач, ясная композиция, тематическое единство пьесы — все эти черты в большой мере присущи танцевальным сочинениям Глинки и являются характерными особенностями его стиля.

Возвращаясь к проблематике, заявленной в начале статьи, заметим: думается, более всего Глинку не устраивало чересчур прямолинейное, исключаящее ситуации угадывания или узнавания, имя пьесы. В этом смысле уместно привести слова итальянского ученого Умберто Эко, сказанные о множественных смыслах заглавия книги «Имя розы»: «Название должно запутывать мысли, а не дисциплинировать их. Ничто так не радует сочинителя, как новые прочтения, о которых он и не думал ...» [8, с. 3].

Список литературы:

1. Тышко С. В., Мамаев С. Г. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». К.: Задруга, 2002. Ч. II: Глинка в Германии, или Апология романтического сознания. 509 с.
2. Тышко С. В., Куколь Г. В. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Ч. III. Путешествие на Пиренеи или испанские арабески. К., 2011. 544 с.
3. Глинка М. И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. М.: Музыка, 1973. Т. I: Творческие материалы. Биографические материалы. 483 с.
4. Ливанова Т., Протопопов Вл. Глинка. Творческий путь: В 2 т. М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. Т. 2. 380 с.
5. Загорный Н. Н. Фортепианное наследие М. И. Глинки // Глинка М. И. Полное собрание фортепианных сочинений. Л., 1952. Т. IV. С. VII–XV.
6. Назайкинский Е. В. Логика музыкальной композиции. М.: Музыка, 1982. 319 с.
7. Глинка М. И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. М.: Музыка, 1975. Т. IIБ: Письма 1853–1857. Документы. 400 с.
8. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». СПб.: Simposium, 2003. 92 с.

Информация об авторе

Тимченко-Быхун Инна Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент, декан факультета искусства вокала и джаза Киевской муниципальной академии музыки им. Р. М. Глиэра.
03187, Украина, г. Киев, пр. Академика Глушкова, д. 30, кв. 23.
E-mail: inna_timchenko@ukr.net; tel: + 38050-351-60-14
ORCID 0000-0001-9139-2203

I. TYMCHENKO-BYKHUN,¹

¹ R. Glier Kyiv Municipal Academy of Music

“THE ORIGINAL POLKA” BY M. GLINKA: AUTOBIOGRAPHICAL REMINISCENCES

Abstract.

Purpose: To investigate the 4-handed play “The Original Polka” from 1852 in the context of the composer’s paraphrase genre; determine the autobiographical features of the play; study and identify the problems of the title of the writings.

Methods: Principles of the methodology of cultural commentary developed in musicology by S. Tyshko and S. Mamaev [1], S. Tyshko and G. Kukol [2]. The technique is applied in the form of an analytical commentary to a musical text when combining biographical information and senses of the work against the background of research into the composer’s style of the late period.

Results: The substantiation of the genre nature of the play determines its study in the context of a separate genre sphere of Glinka’s piano works – the area of paraphrase; the principles of studying musical compositions and the facts of the composer’s creative biography in an inextricable connection give grounds to assert that the miniatures of Glinka’s last creative decade are turned to his past, that is, they are autobiographical.

Novelty: The piano piece “The Original Polka” is for the first time examined in detail in the context of M. Glinka’s paraphrases; for the first time, through an analytical commentary on the musical text of the play, the autobiographical meanings of the dance composition are revealed.

Practical significance: The research materials can be used in courses on the history of World and Slavic music, in courses on the analysis of musical works and musical interpretation.

Keywords: piano paraphrases by M. Glinka, autobiographical senses, analytical commentary on a musical text, borrowed theme, genre of Glinka's paraphrase, compositional and dramatic solutions, dancing genres, textured musical adaptation of the topic.

References:

1. Tyshko S. V., Mamaev S. G. Stranstviya Glinki. Kommentariy k «Zapiskam» (Glinka's wanderings. Commentary on the «Notes»), K.: Zadruga, 2002. Ch. II: Glinka v Germanii, ili Apologiya romanticheskogo soznaniya (Glinka in Germany, or Apology of Romantic Consciousness). 509 p. (in Russian).
2. Tyshko S. V., Kukol' G. V. Stranstviya Glinki. Kommentariy k «Zapiskam». CH. III. Puteshestvie na Pirinei ili ispanskije arabeski. (Glinka's wanderings. Commentary on the «Notes». Part III. Travel to Pyrenees or Spanish Arabesques). K., 2011. 544 p. (in Russian).
3. Glinka M. I. Polnoe sobranie sochineniy. Literaturnye proizvedeniya i perepiska (Full composition of writings. Literary works and correspondence). M.: Muzyka. T. I: Tvorcheskie materialy. Biograficheskie materialy (Creative materials. Biographical materials). 1973. 483 p. (in Russian).
4. Livanova T., Protopopov V. I. Glinka. Tvorcheskiy put: v 2 t. (Glinka. Creative way: in 2 vol.). M.: Gos. Muz. izd-vo, 1955. Vol. 2. 380 p. (in Russian).
5. Zagornyy N. N. Fortepiannoe nasledie M. I. Glinki // Glinka M. I. Polnoe sobranie fortepiannykh sochineniy (The piano heritage of M. I. Glinka // Glinka M. I. Complete collection of piano works). Vol. IV. P. VII–XV, 1952. (in Russian).
6. Nazajkinskiy E. V. Logika muzykal'noj kompozicii (The logic of musical composition). M.: Muzyka, 1982. 319 p. (in Russian).
7. Glinka M. I. Polnoe sobranie sochineniy. Literaturnye proizvedeniya i perepiska. (Full composition of writings. Literary works and correspondence). M.: Muzyka, 1975. T. IIB: Pis'ma 1854–1857. Dokumenty (Letters 1854–1857. Documents). 400 p. (in Russian).
8. Eko U. Zametki na polyah «Imeni rozy» (Notes on the margins of the Name of the Roses). SPb.: Simposium, 2003. 92 p. (in Russian).

Information about the author

Tymchenko-Bykhun Inna, Candidate of Art History, Associate Professor, Dean of the Faculty of Vocal and Jazz Art of the R. Glukh Kyiv Municipal Academy of Music
03187, Ukraine, Kiev, Academician Glushkov Ave., Bld. 30, Apt. 23.
E-mail: inna_timchenko@ukr.net; tel: + 38050-351-60-14
ORCID 0000-0001-9139-2203

History

История

UDC 930.2

DOI: 10.29013/AJH-21-1.2-20-24

A.N. MAKHMUDOVA,¹¹ *Fergana Polytechnic Institute, Ferghana, Uzbekistan*

ISSUES OF HISTORY WORLD CIVILIZATION IN THE SCIENTIFIC RESEARCH OF R.H.SULEYMANOV

Abstract.

Objective: to cover some aspects of the problems of Eastern and Western civilization in scientific research of the famous Uzbek archaeologist R.H. Suleymanov.

Methods: comparison, generalization, systemic analysis, theoretical cognition, the method of analogy and historical method.

Results: The issues of world civilization in scientific research of the famous Uzbek archaeologist R.H. Suleymanov, the relationship of samples of the material culture of ancient beliefs of Eastern and Western civilizations are highlighted. It has been shown that the archaeological research carried out by the scientist in Ancient Sogd is united by the similarity of the ancient myths of the ancient Eastern civilization, including their cultural unity, and is reflected in the samples of material culture.

Scientific novelty: for the first time on the basis of the presented methods, studied aspects of the research of the Uzbek archaeologist R.H. Suleymanov, connected with the problems of Eastern and Western civilizations, including the similarity of ancient myths associated with their cultural unity and reflection in samples of material culture.

Practical significance: the main results and conclusions of the article can be used in scientific and educational activities and the study of the results of scientific research of the archaeologist R.H. Suleymanov.

Keywords: Archeology, ancient myths, civilization, Yerkurgan, Faith, the Uzbek archaeologist R.H. Suleymanov.

For citation: Makhmudova A. N. Issues of history world civilization in the scientific research of R.H. Suleymanov // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, No. 1–2. – P. 20–24. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-1.2-20-24>

Introduction

Rustam Hamidovich Suleymanov is a leading figure in the field of archaeology of Uzbekistan, who for many years has been studying not only the archaeology of the Stone Age in Central Asia but also the problems of the history of world civilizations.

Continuing the tradition of the Uzbek school of archaeology for almost 60 years, starting from the 60s

of the XX century, the scientist took an active part in the study of several archaeological monuments in the Tashkent oasis and Zarafshan valley and the south of Uzbekistan. From 1963 to the 1980s, he excavated the Obi-Rahmat Cave, the largest Middle Paleolithic monument in Central Asia. The thickness of the cultural remains of this cave was 8-9 meters, and it was found that they consisted of 21 cultural layers. This monument

turned out to be more important than Teshiktash. After all, the thickness of the Teshiktash cultural layers is 1.5 meters. Primitive people lived at this address for the first millennia. In the Obi-Rahmat cave, the lower layers are dated to 90,000 years, while the upper layers are dated to 45,000-47,000 years. That is, primitive people lived here for 50,000 years. The bones of a 12-year-old boy were found in the 16th layer of the cave. However, if the Teshiktash man is buried, the human bone found in the Obi-Rahmat cave is crushed, and in the 16th layer, it is found scattered along with the crushed bones of the wild animal - the prey. Anthropologists conclude that the people of Teshiktash and Obi-Rahmat were found to have characteristics characteristic of the Neanderthal and homosapiens races in their appearance. The scientist Rustam Suleymanov made a great contribution to the realization of such great discoveries in archaeology [1].

Also, the typology and periodization of archaeological sites in the Karshi and Gazar oases, carried out by R. Kh. Suleymanov is the best example of such works in Central Asia. The study of population typology is closely related to migration and trade relations. R. Suleymanov is engaged in the study of the most ancient roads and connections from the Paleolithic to the Middle Ages [2].

The scientist's research in the ruins of Erkurgan, the largest city in the historical and cultural region of Sogd, is of special importance in his scientific work.

"Over the years, more than fifteen excavations have been carried out in Yerkurgan in residential buildings of the city, industrial, public and defence facilities. One of such excavations, in particular 13 excavations in the area of pottery, which resulted in an unusual set of pottery, was carried out on the natural surface of the Earth. The cultural layer of the city of Yerkurgan and its features reflect the landscape of continuous development of pottery from the 9th-8th centuries BC. until the VIII-IX centuries AD. Nakhshab - ceramics found in Yerkurgan will be a very important source in determining the age of the city. Excavations in Yerkurgan hold a special place in the study of the ancient Sogdian culture. The size and preservation of the city, which existed approximately from the early Iron Age to the early Middle Ages, makes it possible to study the periods of the material culture of Southern Sogdiana [3].

Located 10 km north of the present city opposite, this monument turned out to be the only surviving ancient city of the ancient Sogdian period. The city square was defended by two rows of fortress walls covering more

than 150 acres. In the early Middle Ages, Sogdia became one of the centres of cultural and artistic processes, which reflected the developmental features characteristic of the entire medieval culture. Excavations in the area of the city potters and blacksmiths of Yerkurgan testify to the development of crafts during this period. Archaeological excavations carried out in the villages of the Nakhshab region that existed in the 5th-7th centuries show that during this period there were no significant differences in the everyday structure of the urban and rural population. During this period, new statues of heavy thick-skinned women of the candidal type appeared. Male statues are relatively rare in antiquity, and they often consist of individual heads of the silent, as well as statues of Saka-Parthian warriors. The 5th and 6th centuries saw complete changes in their status, clothing and character attributes. As a result of many years of excavations carried out by the scientist, the stratigraphy of the city was determined, that is, the landscape of overlapping cultural layers from the VIII-IX centuries BC. to VI century BC. The huge palace of the rulers of Nakhshab, huge huts and mausoleums of the nobility, the remains of the central temple of the city, the remains of architectural architecture and monumental art were discovered and explored. It has been established that the scale of cultural ties of ancient Nakhshab extended from Iran, India, northern steppes to the deserts of China [1].

The multi-layered excavations carried out by R.H. Sulaymanov in the territory of Erkurgan testify to the rapid development of the city territory in the VII-VI centuries BC. The scientist mentions during his studies that in the VI-V centuries BC this settlement was completed by the formation of a city surrounded by thick defensive walls with towers.

The main objects of the city, which has a special place in the history of the Karshi oasis, were studied in Erkurgan. Extensive research has been carried out in the city since the 1840s, and these studies continue to study the archaeology of this ancient city, and the collected data allow to illuminate the pages of the ancient history of Uzbekistan.

Numerous artefacts found at the Erkurgan monument testify to the intense life of the Kashkadarya oasis in the ancient and early Middle Ages in accordance with the historical and artistic processes in the Central Asian region.

In the scientific researches of the scientist and the resulting monograph «Ancient Nakhshab» («Ancient

Nakhshab»), the ruins of the ancient city of Erkurgan were recognized as the mother of the cities of the Kashkadarya oasis. At the same time, Erkurgan is noted as the first city of its kind, unlike other cities in the Karshi oasis. The city began to form in the early Iron Age (IX-VIII BC) during its development, the city palaces, mausoleums, arches and inner and outer walls were built. According to R.H. Suleymanov, Erkurgan was one of the capital cities of the Karshi oasis. Later it was considered the basis for the development of Nakhshab and Karshi [1].

Main Part

In this study, historical, objective, scientific, and comparative methods were used. The issues of Central Asia, our region from ancient times, when different cultures, religious and secular beliefs interacted with each other and with the cultures of other peoples, made a worthy contribution to universal culture, are widely covered in the research of the scientist. As a generalization of this research, the scientist admits in his book "Secrets of Forgotten Civilization" that "Yerkurgan, the first capital of the Nakhshab region, is interpreted as an element of the interdependence of myths and cultures of the peoples of the world, common human values" [2]. The scholar analyses archaeological finds, some myths and legends that still live in the memory of the local people, referring to the similarities and parallels in the Indian Vedas, Greek and Roman, Slavic and Celtic myths. Such a comprehensive comparative approach leads to convincing conclusions" [2].

R.H. Suleymanov interprets archaeological findings and ethnographic data as the patrons of famous women in Central Asian folk legends such as "Devi Safed", "Bibi Rasanda", "Bibi Seshanbe" and believed that local peoples believed in them according to national traditions. Based on the unique sources found as a result of archaeological research, R.H. Suleymanov noted that «women's patrons» were connected with the weaving profession [2]. For example, Bibi notes that the notion that Tuesday helps people to go to heaven has existed in ancient times and that these «grandmothers» who are considered patrons of the spinning and weaving profession may be related to folklore recollections of the ancient gods of fate of the Sogdians, ancestors of Uzbeks and Tajiks.

The scientist divides the set of mythical images that reflect the general processes of cosmogonic and human destiny into two plots related to two activities in the weaving profession: spinning is a symbolic expression of the destiny of individual individuals, weaving is associated with the cosmogonic act (creation of the whole

universe). According to the scientist's description of the objects found in Erkurgan, the mythological plots related to the thread of human destiny were known to the ancient Sogdians, and according to their imagination, the creation of the universe is associated with textile processes. Archaeological excavations by the scientist have revealed the image of two women holding a lily, a wreath and a bundle of yarn on the outside of one of the pillars of the Yerkurgan city pyramid, which has two strong brick roofs. [3, 9]

The lotus usually represented a concept related to the afterlife. The wreath, on the other hand, began to reflect the symbol of divine authority in the East after Alexander the Great. The scientist pays special attention to the main image in this scene, that is, the twisted thread connected with the thread of human destiny. The image of a woman in a mourning scene holding a red thread on a coffin found in the ancient Tuprakkala of Khorezm and a ceramic statue of a woman in Panjikent, Samarkand oasis, prove that the above image is not accidental for Central Asia [4].

Among the prehistoric dakhma of Central Asia, small circular discs made of pottery and stone are often found. The owner of these destinies must have been a gift to the sponsor of the spinning. The second practice is to weave fabric from finished yarn, which in ancient times was a symbolic expression of cosmogonic creativity. The Rig Veda preserves the mythology of the «kawi» deities who pulled seven ropes and twines, that is, the cave gods who determined the separation of space and time [5]. Similar ideas have been preserved in some places among other peoples. Pottery and clay "posangs" of looms found in the temples show that this site was known to the ancient Sogdians as well. In this sense, the mausoleum of the rulers of Yerkurgan of the 3rd-5th centuries deserves special attention [6]. The third century was the last and most prosperous period of Yerkurgan when an ihram and a mausoleum, an arch and a palace were built in the city, and the walls of the fortress were replaced and repaired [6].

Studying rare finds on the history of ancient material culture, the scientist paid attention to the restoration of the general processes of historical and cultural development of the studied era through theoretical research, which allows, as a result of comparing materials about different epochs and regions, to restore the missing links and details of the overall picture or, on the basis of a new specific find, to create a complete picture of culture. One of these questions was related to the excavations in the

ihram of the ancient city of Erkurgan. Sources recorded by Arab geographers and historians report idolatry, fire temples, in which the inhabitants of the cities and villages of Sogdia performed their religious rites, worshipped idols. It is known from written and archaeological sources that the deity Nana was worshipped on the territory of Khorezm, Samarkand and Penjikent. His name is derived from the very ancient Mesopotamian goddess Inanna. Evidence that their combination in the view of the ancient inhabitants of Bactria, Sogdiana and Khorezm and Eastern Turkestan from the way the local earth deity Spydermate occurring in the system of Zoroastrian gods were analyzed on the basis of studies of Erkurgan conducted by the scientists. The fact that under the image of this deity, found in East Turkestan, both his names are written-Nana, Sandramat, that is, Spandarmat, also confirms the above. Such a syncretism of the gods, or the merging of two deities who perform similar functions in different beliefs, in the image of one deity, is a frequent phenomenon in the history of Eastern culture.

Excavations carried out by R.K. Suleymanov in Erkurgan showed that the urban ihram of the III-VI centuries was one of the most important objects and that fragments of a female goddess made of clay were found in it, while during repeated repairs and reconstructions of ihram, statues of deities made of clay and painted over wooden fragments were broken and poured under the walls and floor, and newly made statues were installed in the main coffin of the temple. Fragments of three of these deities, made at different times, have come down to us. It was noted that this ihram was built in honour of a female deity and in the IV-VI centuries was considered the patron saint of this city and the entire Karshi oasis. From the Zoroastrian system of gods, two main female deities are known - Spenta-Armaiti or Spandarmat, the goddess of earth and life, and Anahita-Haravati-Ardvisura, the goddess of water, moisture and love. The finds of several objects in ihram were of great importance for archaeologists, which helped to determine the meaning, essence and function of these deities, to find an answer to the question of which of these gods was embodied in the image of a goddess in Erkurgan.

In particular, in the temple of Ihram, along with the fragments of the statues of the gods, an image of Silen, made of *akik*, and a figurine of a frog made of lead alloy, in the shape of a snake, several bronze mirrors and a pendant - a *chogrok*, made of gold in the shape of a *hedghog*, were found. In ancient ideas, the mirror was also inter-

preted in connection with water. These physical pieces of evidence related to the deity, discovered by the scientist in the ihram of Erkurgan, emphasize his connection with water. His resemblance to Aphrodite and Isis, the water gods of the Greeks and Egyptians, appears to be because at the same time he was the patron saint of love, procreation and fertility.

As a result of many years of research, the scientist emphasizes the Parthian influence on coins and pieces of fine art minted by the rulers of ancient Nakhshab during this period. Thanks to excavations in the tomb of the ruler, built in the III century, the scientist reveals the features of the burial of that period. The fact that the mausoleum, discovered by the scientist, rises on a high pyramidal base, is built in the form of a rectangular porch-hall towards the city gates, and several unique architectural foundations and decorations testify to the greatness of the architecture of that time. The discovery of the bodies of elderly men and women in these rooms testifies to their Zoroastrian tradition, that is, that their bones were removed from the flesh and buried in two large clay vessels. Here were found fragments of coloured ceramic sculptures depicting the image of the deceased, as well as decorations, and next to the gums - more than two hundred "*posangi*" of a loom [7, 10, 11].

According to the scientist, the looms found in the Erkurgan dakhma date back to the 4th century. The fact that R.H. Suleymanov could not hide his surprise when he noticed the interrelationships of ancient beliefs and began to prove it with great effort can serve as an example for young researchers. As an example, it is possible to cite the following views of the scientist: "How can that be explained? It is inconceivable that a loom was operating in the mausoleum, which could only be accessed by the ruler's relatives. The number of clay pots with a diameter of 10 cm is also much higher than necessary. The only conclusion that is closest to the truth is that the "*posangi*" is a peculiar religious gift of the ancient Sogdians who believed in the fate of the ruling couple in the afterlife. Apparently, according to the mythological notions in Nakhshab in the III-IV centuries, the goddesses of destiny, whose symbolism was associated with weaving, played a major role in the afterlife and subsequent revivals" [2, 12]. R.H. Suleymanov notes that similar notions prevailed in Rome during this period [8, 13].

Conclusion

In conclusion, archaeological research conducted by the scientist in ancient Sogdia has shown that the

similarities of ancient Eastern civilizations, including those in ancient myths, which go back to their cultural unity, are united and reflected in the samples of material culture. With the help of the excavations carried out by the scientist in Erkurgan and the objects found there, we become aware of the beliefs, spirituality and way of life of our ancestors. These findings are valuable in illuminating the hidden pages of the ancient history of our national culture, helping us to grasp our deep roots and gain a deeper understanding of ourselves as an integral part of humanity. Numerous material objects found by

R.H. Suleymanov at the Erkurgan monument testify to the active life of the Kashkadarya oasis in the ancient and early Middle Ages in accordance with the historical and artistic processes in the Central Asian region.

Acknowledgements

Authors acknowledge the immense help received from the scholars whose articles are cited and included in references to this manuscript. The authors are also grateful to authors/ editors/publishers of all those articles, journals and books from where the literature for this article has been reviewed and discussed.

References

1. Suleymanov R. H., Rtveladze Je. V. Ancient Nakhshab. Publishing House «Fan», Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 2000. (in Russian).
2. Suleymanov R. H. Patterns of a forgotten civilization. Tashkent: Ma'navijat, 2004. P. 48. (in Russian).
3. Suleymanov R. X., Isamiddinov M. X. Yerkurgan (stratigraphy and periodization). Tashkent: Фан, 1984. P. 162. (in Russian).
4. Suleymanov R. H. Dakhma Yerkurgan. Obshchestvennye nauki v Uzbekistane. 1989. No:11 (in Russian).
5. Isamiddinov M.X. Stratigraphy of the Yerkurgan settlement in southern Uzbekistan. CA, 1978. No. 3 (in Russian).
6. Suleimanov R. Kh., Nefedov N. Excavations of the sanctuary of the temple of the Yerkurgan settlement. Istorija material'noj kul'tury Uzbekistana. Issue 15, 1979.
7. Suleymanov R. H., Turabekov M. Stages of development of the Yerkurgan fortification system. Istorija material'noj kul'tury Uzbekistana, No. 4, 1978.
8. Suleymanov R. H., Isamiddinov M. X., Khasanov M. X. About works on the Yerkurgan settlement in 2006. Archaeological research in Uzbekistan. 2006-2007. Issue 6, P. 235.
9. Nosirovna M. A. The role of Suleymanov Rustam Khamidovich in the study of urban development of ancient period in Uzbekistan. Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2019. No: 12-2 (145).
10. Habibulloyevna M. D. Archaeological study of anthropogenic landscapes of Uzbekistan. ACADEMICIA: An International Multidisciplinary Research Journal. 2020. P. 424-429.
11. Murodova D. Anthropogenic landscapes and their archaeological study in the process of urbanization. Збірник наукових праць ЛОГОС. 2020. P. 96–98.
12. Murodova D. Kuva city and its role in Ferghana city planning. Збірник наукових праць ЛОГОС. 2020. P. 70–71.
13. Turgunovna M. S., Habibulloyevna M. D. Problems of palaeolithic archaeology and landscape of Uzbekistan. Solid State Technology. 2020. P. 1708–1717.

Information about the authors

Makhmudova Azizakhon Nosirovna, Independent researcher, Teacher of the Department “History of Uzbekistan”, Fergana Polytechnic Institute, Ferghana, Uzbekistan.

Address: 43 Fergana Str., 150100, Fergana, Uzbekistan, tel.: +998-(99) 362-47-33

E-mail: a.maxmudova@ferpi.uz

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8448-9998>

Pedagogy

Педагогика

УДК 796.412

DOI: 10.29013/AJH-21-1.2-25-30

К.И. ПИРОГОВА,¹О.С. МИКИТЧИК,¹¹ Приднепровская государственная академия физической культуры и спорта, Днепр, Украина

ОБОСНОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА К ЗАНЯТИЯМ АКВАФИТНЕСОМ С ЖЕНЩИНАМИ 20-35 ЛЕТ

Аннотация.

Цель: экспериментально обосновать содержание дифференцированного подхода к занятиям аквафитнесом с женщинами первого периода зрелого возраста с разными соматотипами.

Методы: базу исследования составляет комплексный подход, в основе которого лежат методы анализа литературы, педагогического наблюдения и эксперимента. В исследовании принимали участие 30 женщин первого периода зрелого возраста. Средний возраст женщин, которые занимались аквафитнесом в г. Днепр — 30,57 лет. Все участники дали письменное согласие на участие в исследованиях. Статистическая обработка материалов проводилась с помощью программного пакета Microsoft Excel 2010. Для проведения по результатам тестирования сравнительного анализа показателей осуществлен дисперсионный анализ. С целью определения характеристики относительного колебания крайних значений признака вокруг средней рассчитывали коэффициент осцилляции (VR).

Результаты: проверена эффективность дифференцированного подхода к занятиям аквафитнесом с женщинами 20–35 лет с разными соматотипами. В процессе работы наведена его краткая характеристика.

Новизна: впервые экспериментально обоснован дифференцированный подход к занятиям аквафитнесом с женщинами 20–35 лет с разными соматотипами и с учетом отклонения реальной массы тела от идеальной.

Практическая значимость: материалы исследования могут быть использованы при работе в условиях фитнес центров с женщинами первого периода зрелого возраста и при проведении занятий со студентами при изучении дисциплин «Рекреация», «Физическое воспитание».

Ключевые слова: соматотип; средства аквафитнеса; дифференцированный подход; первый период зрелого возраста.

Для цитирования: Пирогова К. И., Микитчик О.С. Обоснование дифференцированного подхода к занятиям аквафитнесом с женщинами 20-35 лет // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, №1–2. – С. 25–30. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-1.2-25-30>

Введение. Специалисты указывают, что средняя продолжительность жизни здорового населения Украины на 12,4 года меньше, чем в социально благополучных странах Европы. По показателям продолжительности жизни без осложненных заболеваний Украина

уступает Польше, Белоруссии, Словакии, Венгрии, Боснии, Герцеговине, Турции, Армении, Албании, Молдавии [10]. Научными исследованиями Г. Жук, Т. Хабинец [1], В. Кашубы с соавторами [3], Е. Rýzková et al [7], N. Goncharova et al [2] и других установлено,

что занятия аквафитнесом влияют на функциональное состояние организма, уровень психоэмоционального состояния и есть основным фактором замедления процессов старения, сохранения здоровья и повышение физической активности [4; 9]. По мнению ученых, фигура — это одна из характеристик физического состояния [3; 5; 8]. Она дает представление о пространственной организации морфологических составляющих организма, пропорциях и конституционных особенностях тела. Отклонения компонентов телосложения от оптимальных величин негативно влияют на физическое и эмоциональное состояние женщин [2; 4; 6]. Актуальность работы обусловлена тем, что большинство женщин приходят в фитнес клубы с целью коррекции состояния своей фигуры и достижения красивого телосложения. На данный момент среди доступных нам материалов отсутствуют научные данные относительно экспериментального обоснования дифференцированного подхода к занятиям аквафитнесом с учетом типа телосложения и отклонения реальной массы тела от идеальной.

Результаты исследований. Разработка дифференцированного подхода к занятиям аквафитнесом с женщинами 20–35 лет включала определение целей и задач занятий, средств и методов выполнения упражнений, принципов, этапов внедрения, организационно-методических условия реализации данного подхода, критериев определения его эффективности. Результаты анкетирования позволили сформулировать цель и задачи занятий. Результаты медико-биологического контроля положены в основу распределения женщин на подгруппы по показателям телосложения и отклонения идеальной массы тела от реальной. Занятия проводились групповым методом. Задачами дифференцированного подхода была коррекция пропорций телосложения женщин путем снижения процентного содержания жировой массы тела, коррекция композиционного состава тела, повышение тонуса мышц, увеличение гибкости и амплитуды движений в суставах, двигательной активности, улучшение функционального состояния кардио-респираторной системы, физической работоспособности. Согласно цели и задач определялись средства, проводился подбор музыкальных фонограмм. Программирование занятий основывалось на биологических, педагогических и психологических закономерностях и осуществлялось согласно специфических и дидактических принципов. Критериями эффективности были: положительные из-

менения массы и обхватных размеров тела, улучшение состояния кардио-респираторной системы, психоэмоционального состояния и самочувствия, коррекция фигуры, увеличение мышечной силы, работоспособности, затрат энергии.

Втягивающий этап (сентябрь 2019) был направлен на адаптацию организма к нагрузке, формирование базы для совершенствования индивидуального фонда двигательных умений и навыков, развитие двигательных качеств, улучшение функционального состояния. При планировании занятий учитывались данные констатирующего эксперимента и анкетирования, в ходе которого было выявлено, что значительное количество женщин уже обладают необходимыми двигательными умениями (25,05% ранее занимались аквафитнесом, а 18,37% — оздоровительным плаванием и атлетической гимнастикой). Однако 56,58% впервые приступили к занятиям и требовали определенного времени для адаптации к нагрузкам и развития двигательных умений и навыков. Характерной чертой этапа было уточнение техники выполнения базовых движений и силовых упражнений.

Задачи, которые решались на подготовительном этапе — ознакомление и/или разучивание базовых элементов аквафитнеса, совершенствование техники выполнения упражнений аэробной направленности и силовых упражнений, развитие гибкости, приобретение навыков расслабления в воде. Величина нагрузки менялась за счет объема, амплитуды и интенсивности. Тренировки сначала были низкой интенсивности, направленные на освоение базовых элементов и проработки всех мышечных групп, при этом сначала увеличивалось внешнее сопротивление, амплитуда движений, а затем повышалось количество повторений. На занятиях использовался пояс для аквафитнеса. По мере увеличения физической нагрузки, начиная со второго месяца занятий интенсивность постепенно увеличивалась до средней/высокой (в зависимости от направленности дифференцированного подхода). Упражнения были направлены на проработку всех групп мышц, увеличивалось внешнее сопротивление, амплитуда движений, количество повторений.

На протяжении октября 2019 — июня 2020 нами планировался основной период. Цель данного периода — достижение высокого уровня физического состояния, повышение функциональных возможностей организма, развитие двигательных качеств. В октябрь-ноябре планировался этап набора физической формы,

в декабре — этап поддержания формы. Далее, с учетом зимних праздников, в течение которых женщины пренебрегают регулярным посещением занятий в январе планировался этап активного отдыха, а в феврале втягивающий этап. В марте-апреле планировались 2 этапа приобретения физической формы, в мае — этап поддержания физической формы, в июне — этап активного отдыха. Нами учитывалось, что в среднем переход на более высокий уровень физического состояния происходит через 1–2 месяца занятий, что и было принято за продолжительность одного мезоцикла. Мезоциклы содержали тренировочные и восстановительные микроциклы. По мере увеличения физической нагрузки интенсивность увеличивалась до средней. Упражнения были направлены на проработку всех мышечных групп. Было увеличено внешнее сопротивление, амплитуда движений, количество повторений.

Для эффективного внедрения дифференцированного подхода женщины были разбиты на группы по типу телосложения и показателям отклонения реальной массы тела от идеальной ($ЭГ_1$ — 10 женщин нормостенического типа телосложения с нормальной массой тела; $ЭГ_2$ — 3 женщины астенического типа (1 — с дистрофией II ст. и 2 — с дистрофией I ст.) и 7 женщин нормостенического типа с нормальной массой тела; $ЭГ_3$ — 10 женщин гиперстенического типа (7 — с ожирением I ст. и 3 — с ожирением II ст.)). Время посещения занятий было разным. Каждой группе были предложены специальные комплексы упражнений в основной части занятия с учетом специфики их телосложения. Учитывая адаптационные возможности организма содержание основной части занятий менялось каждый мезоцикл. Дифференцированный подход предусматривал физическую нагрузку преимущественно аэробного характера средней и высокой интенсивности, совершенствование мышечной силы и выносливости, улучшение функциональных возможностей организма женщин и использования различных комбинаций и упражнений выборочной направленности. Использовались такие средства аквафитнеса как плавание, аквааэробика, упражнения с инвентарем (аквапояс, poodles, аквагантели, aqua-jogge). Занятия проводились на «глубокой» и «средней см» воде.

Для женщин астенического типа, которые нуждаются в укреплении и увеличении мышц, был сделан акцент на силовые, циклические/ациклические упражнения и упражнения сложно-координационной направленности средней интенсивности, которые выполнялись

со значительным темпом с одновременной работой крупных мышечных групп ног, туловища и плечевого пояса. В комплексах отсутствовали паузы отдыха между сериями упражнений, что определяло более высокую среднюю ЧСС в течение основной части занятия. «Силовой» вариант аквафитнеса применялся для женщин с низким уровнем подготовленности. Этот вариант характеризовался акцентированной работой определенных мышц в течение 60–90 с, что было возможно при существенном уменьшении общего количества двигательных действий и менее значительных средних величинах ЧСС при высокой плотности занятий.

Для женщин нормостенического типа был сделан акцент на упражнения силовой выносливости, циклические/ациклические и упражнения сложно-координационной направленности высокой интенсивности.

Для женщин гиперстенического типа предлагались упражнения с акцентом на развитие силовой выносливости (циклические аэробные упражнения силовой выносливости, ациклические упражнения и упражнения сложно-координационной направленности высокой и средней интенсивности).

Структура занятия отвечала общепринятой: подготовительная, основная и заключительная части. Продолжительность подготовительной части составляла 10 мин при ЧСС 100–120 уд/мин. Основная задача — подготовка организма, мышц и суставов к выполнению основной нагрузки. Основная часть занятия длилась 25 мин при ЧСС 120–160 уд/мин. В этой части занятия, женщины занимались в соответствии с поставленной целью дифференцированного подхода. Заключительная часть — 10 мин, учитывалось, что дыхание и ЧСС в этой части занятия должно восстановиться до исходного уровня важно;. В подготовительной и заключительной частях женщины выполняли одинаковые упражнения не зависимо от их типа телосложения.

Поддерживающий этап планировался 1 месяц (июнь 2020) и был направлен на сохранение достигнутого уровня функционального состояния организма, развитие двигательных качеств та содействие развитию устойчивого интереса к регулярным занятиям аквафитнесом.

Обязательным условием в конце каждого этапа было проведение текущего контроля с целью коррекции содержания и направленности дифференцированного подхода к занятиям аквафитнесом.

Выводы. Исследования, проведенные нами в 2020 году подтвердили эффективность дифференцированного подхода к занятиям аквафитнесом с женщинами 20–35 лет с разными соматотипами и с учетом отклонения реальной массы тела от идеальной. Так, статистически достоверные изменения в массе тела наблюдались у женщин ЭГ₁ ($p < 0,3$) и ЭГ₃ ($p < 0,4$). С учетом специфики нагрузки, которая предлагалась в ЭГ₃ произошли достоверные изменения в показателях идеальной массы тела и ее отклонений от реальной ($p < 0,5$), ОГК и ее отклонения от длины тела ($p < 0,5$). В ЭГ₂ и ЭГ₃ выявлены достоверные изменения в показателях обхвата бедер ($p < 0,1$ и $p < 0,4$) и их отклонения от длины тела ($p < 0,2$ и $p < 0,3$, соответственно); в ЭГ₂ зафиксированы достоверные изменения в показателях обхвата голени ($p < 0,4$).

Во всех подгруппах есть динамика к улучшению показателей индекса массы тела (ЭГ₁ — $p < 0,4$; ЭГ₂ — $p < 0,3$; ЭГ₃ — $p < 0,2$), ОГК (ЭГ₁ — $p < 0,2$; ЭГ₂ — $p < 0,5$; ЭГ₃ — $p < 0,1$), отклонений ОГК от длины тела (ЭГ₁ —

$p < 0,3$; ЭГ₂ — $p < 0,1$; ЭГ₃ — $p < 0,1$), обхвата талии (ЭГ₁ — $p < 0,2$; ЭГ₂ — $p < 0,5$; ЭГ₃ — $p < 0,5$) и их отклонений от длины тела (ЭГ₁ — $p < 0,3$; ЭГ₂ — $p < 0,3$; ЭГ₃ — $p < 0,5$), обхвата бедра (ЭГ₁ — $p < 0,5$; ЭГ₂ — $p < 0,4$; ЭГ₃ — $p < 0,3$) и его отклонений от длины тела (ЭГ₁ — $p < 0,5$; ЭГ₂ — $p < 0,4$; ЭГ₃ — $p < 0,3$), обхвате запястья (ЭГ₁ — $p < 0,35$; ЭГ₂ — $p < 0,4$; ЭГ₃ — $p < 0,4$), что свидетельствует о том, что показатели обхватных размеров во всех подгруппах значительно приблизились к показателю нормы.

Кроме того, наиболее значимый показатель эффективности дифференцированного подхода это то, что у женщин с гиперстеническим типом телосложения и ожирением I–II степени в конце исследований по показателю индекса массы тела не выявлено ожирения II степени. Нами подтверждены данные В. Кашубы с соавторами [3], E. Rýzková et al [7], N. Goncharova et al [2] и других о положительном влиянии занятий аквафитнесом на уровень физического состояния женщин первого периода зрелого возраста.

Список литературы:

1. Жук Г., Хабінець Т. Вплив занять аквафітнесом на фізичний стан жінок другого зрілого віку. Молода спортивна наука України. 2015. – Т. 4. – С. 31–34.
2. Goncharova N., Kashuba V., Tkachova A., Khabinets T., Kostiuchenko O., Pymonenko M. Correction of Postural Disorders of Mature Age Women in the Process of Aqua Fitness Taking Into Account the Body Type. *Teorià ta Metodika Fizičnogo Vihovannà*, 2020. 20(3). – P. 127–136.
3. Кашуба В., Гончарова Н., Ткачова А., Прилуцька Т. Особливості тілобудови жінок першого зрілого віку, які займаються аквафітнесом. Спортивний вісник Придніпров'я. 2019. – № 1. – С. 97–104
4. Круцевич Т.Ю., Безверхня Г.В. Рекреация у фізичній культурі різних груп населення: навч. посібник. – К.: Олімпійська література, 2010. 248 с.
5. Мартинюк О.В. Функціональний стан жінок першого періоду зрілого віку в процесі занять оздоровчим фітнесом. Молодіжний науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Фізичне виховання і спорт. 2016. – Вип. 22. – С. 31–36.
6. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*; 2009. 55(1). – P. 68–78.
7. Rýzková E., Labudov J., Grznár L., Šmída M. Effects of aquafitness with high intensity interval training on physical fitness. *Journal of Physical Education and Sport (JPES)*, 2018. 18 Supplement issue 1, – Pp. 373–381
8. Романчук О.П., Долгієр Є. В. Фізичний стан жінок середнього віку з урахуванням стажу занять аеробної спрямованості. Слобожанський науково-спортивний вісник. 2016. – № 2 (52). – С. 101–106.
9. Чеховська Л., Жданова О., Грибовська І., Данилевич М. Оздоровчо-рекреаційні технології. – Львів, ЛДУФК. 2019. 240 с.

Информация об авторах

Пирогова Карина Игоревна, аспирантка кафедры водных видов спорта Приднепровской государственной академии физической культуры и спорта

E-mail: karina.swim@ukr.net, tel: +38099–932–69–50

ORCID: 0000-0001-8613-2853

Микитчик Ольга Сергеевна, доцент кафедры водных видов спорта Приднепровской государственной академии физической культуры и спорта

E-mail: molga.0604@gmail.com, tel: +38099-032-97-07

ORCID: 0000-0002-0047-4359

K.I. PIROGOVA,¹

O.S. MYKYTCHYK,¹

¹ *Pridneprovsk State Academy of Physical Culture and Sports, Dnipro, Ukraine*

RATIONALE OF A DIFFERENTIATED APPROACH TO AQUAFITNESS FOR WOMEN 20-35 YEARS OLD

Abstract.

Purpose: experimentally substantiate the content of a differentiated approach to aquafitness classes with women of the first period of adulthood with different somatotypes.

Methods: the research is based on an integrated approach based on methods of literature analysis, pedagogical observation and experiment. The study involved 30 women of the first period of adulthood. The average age of women who were engaged in aquafitness in the city of Dnipro is 30.57 years. All participants gave written consent to participate in the research. Statistical processing of the materials was carried out using the Microsoft Excel 2010 software package. To carry out a comparative analysis of indicators based on the test results, an analysis of variance was carried out. In order to determine the characteristics of the relative fluctuation of the extreme values of the feature around the mean, the oscillation coefficient (VR) was calculated.

Results: the effectiveness of a differentiated approach to aquafitness classes with women aged 20-35 with different somatotypes was tested. In the process of work, its brief description was introduced.

Scientific novelty: for the first time, a differentiated approach to aquafitness with women of the first period of adulthood with different somatotypes and taking into account the deviation of real body weight from ideal was experimentally substantiated.

Practical significance: the research materials can be used when working in fitness centers with women of the first period of adulthood, as well as in teaching practice, in particular, when conducting classes with students in the study of the disciplines «Recreation», «Physical education of different population groups.»

Keywords: somatotype; aquafitness means; differentiated approach; the first period of adulthood.

References:

1. Zhuk G., Khabinets T. Influence of aquafitness classes on the physical condition of women of the second mature age. *Young sports science of Ukraine*. 2015. – T.4. – P. 31–34 (in Ukrainian).
2. Goncharova N., Kashuba V., Tkachova A., Khabinets T., Kostiuchenko O., Pymonenko M. Correction of Postural Disorders of Mature Age Women in the Process of Aqua Fitness Taking Into Account the Body Type. *Teorià ta Metodika Fizičnogo Vihovannâ*, 2020. 20(3), – P. 127–136.
3. Kashuba V., Goncharova N., Tkachova A., Prylutska T. Features of the physique of women of the first mature age who are engaged in aqua fitness. *Sports Bulletin of the Dnieper*. 2019. – № 1. S. 97–104 (in Ukrainian).
4. Krutsevich T.Yu., Bezverkhnya G.V. Recreation in physical culture of different groups of the population: textbook. manual. – K.: Olympic Literature, 2010. 248 p. (in Ukrainian).

5. Martyniuk O.V. Functional condition of women of the first period of adulthood in the process of health fitness. Youth Scientific Bulletin of the Lesia Ukrainka East European National University. Physical education and sports. 2016. – Vip. 22. – S. 31–36 (in Ukrainian).
6. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*; 2009; 55(1); – P. 68–78.
7. Rýžková E., Labudov J., Grznár L., Šmída M. Effects of aquafitness with high intensity interval training on physical fitness. *Journal of Physical Education and Sport (JPES)*, 2018. 18 Supplement issue 1, – Pp. 373–381, 2017
8. Romanchuk O.P., Dolgier E.V. Physical condition of middle-aged women, taking into account the experience of aerobic classes. *Slobozhansky scientific and sports bulletin*. 2016. № 2 (52). – Pp. 101–106 (in Ukrainian)
9. Chekhovskaya L., Zhdanova O., Gribovskaya I., Danilevich M. Health and recreational technologies. Lviv, LDUFK. 2019. 240 p. (in Ukrainian).

Information about the author

Pirogova Karina I., graduate student of the Department of Water Sports Prydniprovsk State Academy of Physical Culture and Sports

E-mail: karina.swim@ukr.net,

tel: +38099–932–69–50

ORCID: 0000-0001-8613-2853

Mykytchyk Olha S., associate Professor of the Department of Water Sports Prydniprovsk State Academy of Physical Culture and Sports

E-mail: molga.0604@gmail.com,

tel: +38099–032–97–07

ORCID: 0000-0002-0047-4359

Political science

Политология

UDC 354

DOI: 10.29013/AJH-21-1.2-31-36

M. W. USHAKOVA,¹

¹ *Kharkiv Regional Institute of Public Administration of the National Academy of
Public Administration under the President of Ukraine, Kharkiv, Ukraine*

IMPROVING THE LEGISLATIVE PROCESS AND LEGAL DRAFTING FOR THE BETTER POLICY IMPLEMENTATION IN UKRAINE

Abstract

Objective: This paper addresses the issue of how to improve quality of legislation and policy in Ukraine in the context of implementation of the Association Agreement with the EU, Public Administration Reform and more generally promoting economic growth and prosperity in Ukraine. It aims to identify the main directions of developing legislative drafting procedures and capacity both in the executive system and in the Parliament.

Methods: comparison, generalization, observation, theoretical cognition, the method of analogy.

Results: The essential basic factor of the “European” nature of legislation is the attention to the quality of law, resulting from efficient legislative and policy-making process, which shall be an open and transparent, one where citizens and stakeholders, such as businesses, can contribute, and where decisions are based on evidence of what is likely to work. As a consequence, legislation should not only achieve the purpose for which it was initiated and be realistic in terms of implementation, but also create minimum possible regulatory burdens on businesses, citizens or public administration.

Scientific novelty: for the first time on the basis of the presented methods, the article studies the traditions and recognized practice of good legislative processes of some European countries to generate ideas about methodology and quality of legislative process could be changed in Ukraine.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in policy making, reform implementation, scientific activities in addressing issues of economic security of the national economy.

Keywords: Legislative process, Legal drafting, Policy implementation; Public Administration Reform; Ukraine

For citation: Ushakova M. W. Improving the legislative process and legal drafting for the better policy implementation in Ukraine// Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, No. 1–2. – P. 31–36. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-1.2-31-36>

Introduction

The formation of a new culture of confidence from the Parliament to the Government and the removal of political barriers for approval of high-quality bills should remain the key task. In this context, the use of the proposals of the European Parliament Mission to

the Parliament on needs assessment, led by Pat Cox, continues to be relevant to the formation of a genuine European culture of decision-making. Similarly, implementation of the OECD Sigma recommendations, especially through the Rules of Procedure and improving practice of their implementation of the Government, is

important. The political goal of Ukraine — to achieve closer integration with the European Union — requires a special concentration of joint efforts of the Parliament and the Government on identification of priorities, approval and implementation of related bills. The experience of the EU Member States is interesting for Ukraine in this regard.

Towards new drafting policy documents practice

European Parliament Needs Assessment Mission to the Verkhovna Rada of Ukraine revealed fundamental weaknesses in legislative process in the Parliament, such as insufficient quality of drafts, an excessive number of draft laws provided by Members of Parliament (MPs) instead of the Government, weak coordination between the Parliament and the Government and others. It is therefore no surprise that 43% of adopted laws are amended already in the first year after entering into force. Also, legislative and policy-making process is not of sufficient quality at the Government level [1]. OECD Sigma Baseline Assessment provides almost two dozen of recommendations where the current procedures and capacities need to be improved when it comes to preparing policies and normative acts by the Government [10].

At the same time, there has been a joint determination of priority bills including those submitted by the Cabinet of Ministers of Ukraine (CMU); joint definition of the agenda of the Parliament so that the draft laws on key reforms are presented for Parliamentary consideration; and holding thematic days in the Verkhovna Rada drafts of the same theme, for example deregulation of transport, are considered within a single Parliamentary session. Such practices have made it possible to advance critical reforms devoted to the human development policy including judicial reform, changes to the procedural codes, educational reform, pension reform, medical reform, and others.

These efforts have not eliminated the problem of excessive number of bills submitted by individual MPs, weaknesses in planning of work of the Parliament, and most importantly, did not ensure a significant improvement of the quality of bills. Even worse — through the bills initiated by the MPs and multiple amendments to drafts submitted by the Cabinet of Ministers, legislative drafting in the Parliament often becomes a battlefield of political fighting where the focus on quality of bills is lost.

Besides, in the present legislative tradition, law making suffers a lot from the desire to regulate everything by laws instead of keeping the right balance between laws

and secondary legislation. In reality it leads to overregulation and necessity to spend a lot of efforts to change the norms which are not working because legislators often decide on operational matters of the executive in the law. In the European tradition, operational details of execution of objectives and principles embodied in laws are left to the competence of the executive [3].

Going forward, focus should be put on the quality of regulation and policy making in general. In most EU countries, the quality of regulation normally relates to evidence-based policy making, thoroughly assessing the impact of regulation, ensuring coherence of policies with each other and with the general strategic guidelines, ensuring public consultation, coherence within the system of normative acts, compliance with the EU acquis, clear and understandable language and compliance with nomo-technical standards. It also encompasses monitoring and evaluation of implementation (so-called ex-post impact assessment) with the aim to introduce the necessary improvements. The EU has no specific competences in the administrative sphere but still has a strong indirect impact on the administrative practice in Member States through the administrative standards set in the acquis, the transfer of best practices with EU financial instruments, the promotion of management practices of its own institutions, etc. [7].

Legal drafting should become requires a coherent interaction between politicians and employees of the Secretariat of the Parliament, the Cabinet of Ministers, the Ministry of Justice and other stakeholders.

Improvement of legislative process and legal drafting as a key contributor to Ukraine's association with the EU

After the entry into force of the Association Agreement, the list of issues where Ukraine and the EU can ensure further convergence has substantially expanded. The agreement offers opportunities for Human Development in Ukraine. However, the realization of these ambitious goals requires the same level of mobilization of the Government and the Parliament as in the case of visa liberalization or food safety legislation, which are examples of such determination and collaboration in action.

To do so, first, there is a need to identify legislative priorities. The Government and the Parliament have adopted an action plan on priority legislative measures in the field of European integration. It contains a list of 57 bills from various areas of the Association Agreement. In addition, some of the 35 Government-identified pri-

ority bills from economic sphere are important for the implementation of the Association Agreement, too [11].

Second, it is necessary to ensure the quality of the bills from the point of view of compliance with the EU law. The history of the successful examples of the legislative work with achievements include visa liberalization and food safety. These successes were based on:

1. Understanding of impact from the implementation of the EU requirements and needed exemptions from the EU law or the introduction of transitional periods for certain rules properly justified by Ukraine's specific circumstances;

2. Good sense of the experience of implementing the relevant EU norms in the EU Member States and especially in countries whose experience is directly relevant to Ukraine;

3. Coherence between norms borrowed from the EU law and the national legal system in terms of terminology used, interaction with other legislative norms, inter alia regarding the competence, structure and procedure of central executive bodies responsible for applying the new norms, etc.;

4. Proper communication of the content of the bill to all stakeholders — MPs, ministers, the EU representatives, business and the public.

This good practice can and should be applied to other spheres and bills, too. One of the proposals of the European Parliament Mission to the Parliament under the chairmanship of Mr. Pat Cox was to approve the law on European Integration, which would help to implement similar practices in the case of all legislation related to Ukraine's association with the EU. It must also be recognized that the efficiency of work in this direction depends not only on the formalization of the rules, but also on the effective practices of legislative process and underlying policy procedures both in the Government and in the Parliament [2].

Improving legal drafting capacity within the executive system as a prerequisite for policy implementation

Most reforms require well-thought legislation. In the EU Member States, legislation normally originates from government initiatives, with only some cases of adopted laws being proposed by MPs. Governments bear by far the biggest responsibility for ensuring quality and coherence of legislation. Carrying out necessary assessments and drafting legislation through the Government route has some significant advantages as it disposes the nec-

essary expertise and data sources as well as a variety of tools, including complex impact assessments, if necessary, stakeholder consultations and coordination mechanisms to ensure policy coherence and quality of drafts.

In addition, legislative decisions are effective only if they are properly implemented by the Government. Therefore, the Government should know clearly whether the legislative decision considered by the Parliament can be properly implemented in real life and based on that knowledge it should inform the MPs.

To realize this capability, the Government shall have in place procedures and capacity to prepare good quality bills in the most efficient way. In Ukraine, a number of requirements for assessing quality of drafts and supplementary material exist, and there are institutions with a mandate to ensure quality — Ministry of Justice, Secretariat of the Cabinet of Ministers of Ukraine, State Regulatory Service, Ministry of Economic Development and Trade, Ministry of Finance.

However, a simple and effective model of policy-making and legislative processes within the government is still to come. At present, the Government Committees and the Cabinet itself are overwhelmed with technical questions that should have been resolved at lower levels in the civil service while there needs to be more space for policy discussions on crucial issues at Committee and Cabinet level. Besides, adopted regulation is not always sufficiently financed, as the capacity for costing of bills is insufficient.

The Ukrainian decision-making system, at first glance, uses almost all of the toolkit for making decisions, which is inherent in other European states. But the available tools, such as impact assessment, public consultation or costing of drafts, often work only formally [4]. Public administration's ability to provide a thorough policy analysis, to put it into the foundation of political decisions, and to ensure their approval and further implementation is still low. There is no big tradition of considering alternatives to regulation. All this creates a large demand in society for the reform of public administration in general. For example, according to a survey of businesses commissioned by SIGMA, 39 per cent of Ukrainian business believes that legislation is unclear [1].

The involvement of stakeholders for decision-making is not always the case although there are good practices — for example in business related regulatory reform. When the legislative draft is ready, an internet consultation with the public at large is launched. It allows stake-

holders and the public to submit their comments within a timeframe of 1 to 3 months [6]. These comments are submitted through the executive body's website or the website of the Government's Portal [9]. After closure of the internet consultation, the relevant civil servants will study the comments and amend the legislative proposal where needed. Internet consultation is not only meant for quality control, but also to gain support for the proposal. Obviously, support has already been sought in the initial drafting stages, i.e. before internet consultation, when communicating with major stakeholders. The civil servants try to balance the interests of the various stakeholders. Internet consultation is a wonderful instrument to foster consensus when the results are taken seriously. The aim of such consultation is to map the various interests that are involved early. Therefore a certain 'deregulation' takes place as a result of this process (although lobbying can obviously not be prevented). But in general, the procedures for commenting on draft laws often are formal or mostly focused on technical aspects. There is no single system of announcing new draft bills.

Thus, one of the biggest problems is the lack of effective policy discussions preceding legislative drafting. When the draft laws are already proposed for consultations among ministries, the discussion is mostly about legal technique and not about the problem this legislation intends to address. Or, under the guise of purely legal discussions, real policy compromises are shaped in a non-transparent way. So far, the tradition of developing concepts and strategies only partially has assisted with solving this problem. This situation is further complicated by insufficiently available and systemized policy related data.

As a consequence, the policy of deregulation, which aims to abolish apparently obsolete and unnecessary decisions, has become highly actual. Both the Verkhovna Rada of Ukraine and the executive bodies periodically abolish "outdated" regulations. This has a potential to positively affect the policy implementation in Ukraine.

While addressing the above issues requires multi-directional and longer term and concerted effort of many stakeholders, the main bottlenecks towards improvement of the current situation at the level of the Government include ambiguous Rules of Procedures of the CMU and insufficient enforcement of the rules by the Central Government bodies whose mandates in some cases are overlapping. Methodological requirements are overly bureaucratized and ministries understand them

only as formalities without real understanding of the basic principles of good policy making. There is much overlapping in gate keeping and quality checking by the Central Government institutions. Underlying all these are capacity gaps in terms of legislative drafting and legal approximation to the EU law as well as impact assessment and effective stakeholder consultations.

The Government's plans for changing the culture of decision-making are outlined in the 2016 Public Administration Reform Strategy including modernization of the Rules of Procedure and supporting guidelines and training as well as strengthening ministerial policy-making and legislative drafting capacities through creating policy directorates [1]. Many of its elements are in line with the recommendations of the European Parliament Mission, under the chairmanship of Mr. Pat Cox, to improve the rationale for the bills [3].

Steps to take forward

Among many politicians and officials, there is an awareness of the necessity to improve legislative process, legal drafting and underlying policy-making including through applying relevant practices of other European states. At the Government level, this awareness is already translated into policy commitments and planned action as part of the Public Administration Reform Strategy. There is also a good awareness that improving the current practice is a necessary pre-condition for moving forward in the association with the EU and in order to realize the full benefits it can bring to Ukraine [5].

The next steps should include strengthening of political commitment to improve procedures and their enforcement, capacities and culture of collaboration in policy making and legislative process and drafting. Essential to ensure that all important legislation is based on properly developed policies. High quality legislation cannot be drafted without proper analysis of the problems, options and clear objectives. There should be a better institutional capacity to ensure proper unified and structured implementation of the revised procedures.

At the level of political system and practices, experience from the EU member states should be followed regarding the functioning of coalition governments. This includes defining the crucial role of the government in formulating policies and proposing legislation, ensuring coherence of general political directions, objectives and priorities, instruments and mechanisms for coordination and resolving disagreements.

At the Governmental level, practical and immediate steps could include:

- Adoption of the new CMU Rules of Procedure, in line with the good EU practices and in line with the OECD Sigma recommendations. This will address most of the procedural challenges related to: underlying policy analysis, quality of drafting, roles and responsibilities of institutions in the drafting process, quality assurance. The aim is to introduce a simple and logic architecture without overly bureaucratizing the procedure. An architecture that will direct the policy makers into ensuring all elements of quality before a proposal is formally submitted for the government adoption.

- It is also necessary to make sure that newly established procedures and quality requirements will be properly implemented. This requires effective enforcement by the Central Government bodies as well as supportive methodologies in terms of policy making, legislative process and drafting and EU law approximation. There is a need for systematic training of ministries in application of the tools.

- Range of responsibilities of the Secretariat of the Cabinet of Ministers (SMCU), and respectively also the Ministry of Justice, Ministry of Economic Development and Trade, State Regulatory Service, should be revised. Options for improving legislative scrutiny and support to drafting shall be identified and discussed including possible establishment of the Legislative Drafting Centre.

- Building the professional capacity and accountability of the government institutions, in particular newly established Directorates in the ministries to initiate, draft and adopt legal acts based on the new procedures and quality requirements.

At the level of the Parliament, the initiatives could include:

- Adoption of the refined version of the Rules of Procedure of the Parliament of Ukraine — in line with Need Assessment Mission Recommendations and promotion of its enforcement. Quality standards for draft legislation should also be aligned between the Government and Parliament.

- Adoption of the Law On European Integration Public Policy, supported by improved methodology for

approximation to the EU legislation and increased role of EU Integration Committee.

- Further development of the legislative workflow also through professionalization, increasing capacity of the Secretariat of Parliament and Committees to assess and draft acts based on the new procedures and quality requirements [8].

Conclusions

Building strong policy-making and legislative capacities in public administration took efforts and time in most European countries. Their experience in improving the quality of Government decision making is valuable in the context of reforming decision-making system in Ukraine and creating stronger legislative drafting capacity towards better regulation. Among many politicians and officials, there is an awareness of the necessity to improve legislative process, legal drafting and underlying policy-making including through applying relevant practices of other European states. Legal drafting should become requires a coherent interaction between politicians and employees of the Secretariat of the Parliament, the Cabinet of Ministers, the Ministry of Justice and other stakeholders.

The main challenges of the legislative process in Ukraine are rather political than technical. As opposed to European practices, most of adopted legislation stems from initiatives by members of parliament, which makes it impossible to maintain the quality level and policy coherence. Therefore, at the level of political system and practices, following experience from the EU member states regarding the functioning of coalition governments should be encouraged. The ministry and the minister should be fully responsible for the quality of proposals submitted to the government procedure and should remain full owners of the proposal from the initiative till the moment of adoption. Special rules should be considered for the Association Agreement-related laws and regulations, in order to ensure priority and thorough compliance check. Renewed procedures should also remove cumbersome technical discussions from the table of the Cabinet of Ministers and its committees, thus opening space for meaningful discussions on key policy issues.

References

1. Baseline measurement report: The Principles of Public Administration (Ukraine), 2018, URL: <https://www.kmu.gov.ua/storage/app/media/17-presentation-2018/06.2018/ukraine-baseline-measurement-report-2018-1.pdf>

2. Belin, A., Dupont, C., Kuipers Y., Oulès, L., Fries-Tersch, E., Kosma, A. Analysis report on EU and member States, policies, strategies and programmes on population and workforce ageing, EU-OSHA: European Agency for Safety and Health at Work, 2016, 170 p.
3. Cox, P. We have to double efforts to help Ukraine, 2016, URL: <https://www.rada.gov.ua/en/news/News/126200.html>
4. Dimitrova, A., Mazepus H., Toshkov D., Chulitskaya T., Rabava N., Ramasheuskaya, I., 2020, The dual role of state capacity in opening socio-political orders: assessment of different elements of state capacity in Belarus and Ukraine, East European Politics, DOI: 10.1080/21599165.2020.1756783
5. Kupriy, N. Public administration reform in Ukraine: A review of accomplishments, 2019, URL: <http://prismua.org/en/pdf/2019-02-8/>
6. Law on the Principles of State Regulatory Policy in the Sphere of Economic Activity, URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1160-15#Text>
7. Luchetta, G. (2012). Impact Assessment and the Policy Cycle in the EU. European Journal of Risk Regulation, 3(4), 561–575. doi:10.1017/S1867299X00002476
8. Midterm Self-Assessment Report on the 2014–2015 Open Government Partnership National Action Plan (Ukraine) URL: <http://dhrp.org.ua/en/blog-publications/935-20151015-en-publication>
9. Resolution of the CMU No. 996 of 3 November 2010 on Ensuring Citizens' Participation in the Elaboration and the Implementation of the State Policy, URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/996-2010-%D0%BF#Text>
10. Szeptycki A. (2020) Ukraine and the EU — Ambiguities of the EU's Eastern Policy. In: Hilz W., Minasyan S., Raś M. (eds) Ambiguities of Europe's Eastern Neighbourhood. Springer VS, Wiesbaden. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-29856-2-6>
11. Švedas, G. Legislative Development Process, European Commission / ENPI, 2016, 15 p.

Information about the authors

Mariia W. Ushakova, PhD Student in Public Administration, Kharkiv Regional Institute of Public Administration of the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine, Kharkiv, Ukraine
Address: Heroiv Stalinhradu Avenue, 144, kv. 106 61162, Kharkiv, Ukraine
tel.: +38 (099) 097-46-97
E-mail: mari.wladimirovna@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8063-2945>

Philology and linguistics

Филология и лингвистика

UDC 8.1751.81

DOI: 10.29013/AJH-21-1.2-37-43

K. KUDERINOVA,¹N. AMIRZHANOVA,¹E. MARALBEK,¹M. SADYKOVA,¹¹ A. Baitursynov Institute of linguistics, Almaty, Kazakhstan

KAZAKH ORAL LANGUAGE: PAST, PRESENT

Abstract

Objective: The main aim of the article is to present to the research community the state of the modern Kazakh language, current problems, and solutions.

Methods: comparison of the Kazakh language state in the current and past periods, the traditional character of the Kazakh oral language, forecasting future development, synthesis by methods of synchronous, diachronic analysis, linguistic and stylistic analysis.

Results: For the first time, a description of the present, past and future of the Kazakh oral language is provided. The requirements for oral culture, preserved in the samples of oral literature by A. Baitursynov, Abai are analyzed.

Scientific novelty: Modern research in this area is often considered in terms of linguistic norms, stylistic use and types of styles. However, the results of these studies did not help raise the level of modern Kazakh expressiveness. The main reason is a violation of the grammatical structure and system, which is the «reliance» or «support» of the Kazakh language, as well as the disappearance of the traditional style of systematic speech.

Practical significance: The development of textbooks and methodologies for teaching the Kazakh language, the development of a handbook of texts of different levels for the tasks of KAZTEST and its types of analysis, as well as the development of a handbook of existing and new texts, collection of audio texts in accordance with traditional expressiveness will contribute to the field of education.

Keywords: traditional speech, pragmatics, history of language, oratory, stylistics.

For citation: Kuderinova K, Amirzhanova N., Maralbek E., Sadykova M. Kazakh oral language: past, present// Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, No. 1–2. – P. 37–43. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-1.2-37-43>

Introduction

Current Kazakh language expressiveness (grammatical, stylistic and ethical norms of expressing thoughts) has influenced by other (Russian, English) languages and

has lost its traditional speech norms, thus, it has become artificial Kazakh language or translated Kazakh language. Grammatical system and conversational style of Russian language in the fields of education, science and social

media have mixed up and the translated texts that cannot be accepted have been increased. Have mixed up traditional expressiveness with artificial speaking, incomprehensible texts added Kazakh language to the lists of «difficult languages». Nowadays we cannot respond to the question how Kazakh traditional expressiveness and speech culture were. There is a need to find answers to the questions «What peculiarities did the structure and system of traditional words have?», «How valuable are linguistic and stylistic norms?» and «What examples we can take to current expressiveness?» by linguistically analyzing texts.

Oral Kazakh is the main functional form of the codified literary language that is spoken and heard, and which serves for oral communication. This is the first language should be learned, and which is learned naturally, it can also be considered as an untrained language. It reflects the entire informal life of a person and shows the whole secret of communication. With the help of oral speech, we can understand an individual peculiarity, and a person's worldview. Especially from unprepared speech, a person's personality can be easily recognized. That is why spoken language is considered as the soul of language. A person can think that it is normal what he/she heard, and not what he/she read. He/she gets used to it. A skill becomes a system. Wrong skills turn into normal and then into one system. Therefore, spoken language changes both the language of writing and the literary language. Is it not dangerous if this important oral language will not be heard in its homeland, and will be used with mistake?

It should be noted that in Kazakhstan all conditions for the oral Kazakh language have been created: Kazakh schools, Kazakh kindergartens, Kazakh branches of universities, institutions with Kazakh language instruction, etc. Does an undergraduate student, who graduated from Kazakh instructed higher education institution, will continue mastering the oral Kazakh language in a future position? It is hard to explain. There are conditions; nevertheless, there is no place for implementation. Language at this moment is in stagnation. In official places, the Kazakh language sounds little. We use a word that sounds as intended. As in documents, reports or memos of the institution, the written Kazakh language may be reflected. However, the staff mainly speaks Russian or English. In doing so, they allow another language to become a means of communication. A language that is not used verbally can become rusty or obsolete. From a language that has

not been used verbally, our ears can be tired. Then the misunderstanding will take place. Therefore, the main purpose of this paper is to discuss issues such as determining the Kazakh spoken language, its incorrectness, its rare use, lowering the value of the spoken word, features of the former Kazakh language, the awkward language of youth, and the future of the Kazakh spoken language as well as it will attempt to find out possible solutions.

Historical context. The state program for the use and development of languages for 2011–2020 set a big goal «to popularize the widespread use of the state language». It said that «in everyday life, communication in the Kazakh language should be considered as a «level»; especially for young people it should become authority, prestige, and fashion» [1]. In the beginning, young people appeared everywhere who could freely communicate in two and three languages at the literary, official level. The public consciousness of young people who is working with the use of the Kazakh language, who is making an oral interpretation of information in Kazakh, who considered Kazakh as prestigious language was formed among the Kazakh community. At that time, the culture of oral speech in the Kazakh literary language was practically built up. Communication in the family, on the street, in the public places in Kazakh was increased the prestige of the titular nation. However, all this is «in the past». Over the past 2–3 years, spoken language has lost its place in everyday communication, especially in the cities of Nur-Sultan (Astana) and Almaty. The Russian word helps to express thoughts, we are scared by new concepts and terms formed in the Kazakh language, we make fun of them, ask permission to say something in Kazakh, we are ashamed to speak loudly in it on the streets or in another environment. What are other simple ways existed, in addition to discrediting the honour and authority of the mother tongue, which began with the main cities?

In this program, one of the tasks was «to form a prestigious image of a person speaking in the state language, to represent the state language as a family value» [1]. However, this task was also very little realized. Television and radio, forming an outstanding image, could not create language characters that can be imitated. Because there are very few journalists on television and radio who know the language, sensitivity of the communication environment and strong logic. Pop stars, people of art, do not speak Kazakh, which can be heard on the TV screen. That is why community is not interested in speak-

ing in such language. People began to know linguistic personalities such Nursultan Nazarbayev, citizens, such as Imangali Tasmaganbetov, Mukhtar Qulmukhambet, Amangeldy Aitaly, Bekbolat Tleukhanov, Alikhan Baimenov, Zharmakhan Tuyakbayev, Gulshara Abdykhalyqova, Eleusiz Sagyndyqov, Kosherbayev, Alimbekov and Berdibek Saparbayev. Nevertheless, it can be seen that the Kazakh language is again postponed due to requirement of fluency in two or three languages from the authorities of the state. This is the answer to the question «Why do we hear it a little?». Secondly, this is also due to the emphasis on written language in educational institutions, as well as studying the language of written text.

With the acquisition of the state status of the Kazakh language, the only goal was to increase the number of users of Kazakh to create a language environment. This was due to increased requirements for the language and culture of oral speech in Kazakh. In the 1980s, scientist Syzdyk was the first who said, «...the vitality of the Kazakh language is closely linked to the oral improvement of its social activities». We stopped talking in an oral literary language. The scientist said: «there was no space for oral speech until the state status of the Kazakh language was obtained, and now the recognition of the mother tongue by the state is a high indicator of spoken language». Moreover, he indicated that «to expand the social activity of the Kazakh language, it is not enough to develop only the official language, engage in science in the Kazakh language, write books and lecture on it. First of all, special attention should be paid to oral speech. Let one front of the struggle become a conversational front». The scientist even outlined the actions in this struggle, emphasizing that «for this, first of all, you need to start from school. He set the task of «introducing the subject of the oral Kazakh language». Otherwise, the scientist suggested, «it is necessary to include several topics in the school curriculum, and equal attention should be paid to both spelling and orthoepy. To develop the language, not only teachers of Kazakh language should be involved, but also all members of society, families and other subject teachers». Moreover, he stated that «this type of education is out of focus» and «as soon as the child begins to speak, we do not care about how he/she will speak further». He asked adults to take care of the use of words. He criticized the fact that we have lost the skill of eloquence that we are used to blaming politics and modernity for our unpleasant traits and qualities [2, p. 146]. Syzdyk very correctly noted that the secondary

education program does not pay any attention to Kazakh orthoepy, and the fact is that this negative trend continues [2, p. 167]. He also added: «If the orthoepy was correctly placed in school, a person would not intentionally destroy it». He warned that there is a huge risk that the universities will not focus on teaching eloquence, the correct pronunciation of words. Professor N. Uali called the parameters of the literary language «the sufficiency and convenience of the lexical and phraseological system, the distinction between grammatical, phonetic and phonological systems, the presence of written and oral forms, the differentiation of functionality, the breadth of the communication field, the functioning in the fields as management, science, education, the presence of the language environment, the presence of sources of enrichment (dialect, simple speech, old Kazakh language, writing)» [3, p. 45]. Among them, spoken language is very important. If the Kazakh-speaking environment itself cannot freely use the literary language, then there is a doubt about the viability of such language, it becomes a dead language, visible only in written forms.

Decrease the spoken word. The reasons for reducing the cost of spoken language can be determined as follows:

- dominance of writing language, and emphasis on it
- learning written language as a written language text
- writing language turned out to be a reason for research.

The areas of the modern Kazakh language were studied, units and the terminological system were analysed, and these are studied in the standard separately in the form of the main disciplines in the programs and curricula of universities. Nevertheless, we learn the structural system of the Kazakh language book. The linguistic units of the Kazakh language that are used in education are selected only from texts of written languages. Phonetic analysis examines the letters of the text. The syntax analyses sentences in the written text, etc. Besides, academic dictionaries and grammars write lexical, phraseological, and grammatical meanings in the written text. Therefore, the values are limited. Representatives of other nations that are beginning to learn Kazakh cannot understand the meaning of words, since «non-textual» words are heard more often in everyday life; however, their meaning does not appear in dictionaries. Moreover, the spoken word sometimes appears only as a form. Speeches on television programs, or speeches of authorities of the state are usually accompanied by a sound transmission of

electronic texts, such a word is either forcibly listened to, or, if there is interest, or not listened to completely. The reason for this is strict adherence to written language in the oral language [4].

Today, the system and structure of the written language has stabilized in the general linguistic consciousness, so it has become the norm to use the written language norms in spoken language to read written words for the audience as the basis for systematic speech. Therefore, often the use of this approach has become the norm. However, written paper using written language is not normal for spoken language. Such speech can bore the audience. Memorizing words, the effect of speech may be low.

There is another process. Independence came to us with a market culture and a culture of the West. Censorship, which was removed from spoken and written words, was used in ordinary speech, including raw vocabulary and barbarism for the audience. The Kazakh language appeared on the screen: a) in the form of a simple colloquial language with elements of the Russian language b) in the form of hasty words of senior government officials, deputies, pop stars who usually speak with the Russian language system of thinking, and who give the shortest interviews based on written Kazakh language [5]. Listening to this, people who speak in Kazakh at different levels, which are recognized as the main norm of the literary language.

The way of speaking in the former Kazakh language. Speaking about former Kazakh, it can be spoken about it as a myth. However, in terms of language history, the results of oral language do not appear today. Nevertheless, by seeing the modern written artistic prose, it can be said that nobility of oral language appears in papers. Until the beginning of the XX the century, the oral language had five functional styles. Uali indicates that the separation of styles (style of speech, journalistic style, artistic style, scientific style, business style) comes out of five different public consciousness. They are household consciousness (style of speech), aesthetic consciousness (style of artistic speech), social consciousness (journalistic style), professional consciousness (business style) and scientific consciousness (scientific style) [3, p. 52]. At the beginning of the XX the century, household and aesthetic consciousness, social and professional consciousness was the same and high. If there are a father, mother, grandfather, grandmother and one child in one family, we can assume that five family members had a higher and complete domestic consciousness and aesthetic consciousness. The household consciousness

takes into professional consciousness as well. All this is expressed in the language, in the oral language, which considered as the oral literary language.

In the XIX the century, beginning from 1862, Orientalist of Russia, ethnographer, archeologist, academician of the Petersburg Academy Radlov, who investigated the east of the Kazakh land, Ile, Syrdariyya, Vernyi, Aksu, wrote: «Kyrgyz, in general, are fluent in speech art, they love to talk ... they are joking often. Their stories are very clever... Kyrgyz differ from their neighbours by their eloquence. The speech of any Kyrgyz is very smooth and free. Kyrgyz are good at speech art (oratorical word). They can read very long poems, and their simple speech was built with a well-known rhythm and was often similar to poetry. Thoughts are open and accurate; therefore, the Kyrgyz on a full basis can be called the French of Western Asia». He also indicated that «Kazakhs are beautiful, skilful and enlightened, especially their courage and sharpness, resourcefulness is surprising ... When each of them, starts to speak, you can see such a power of the language like in French and Russian ... Also, if a Kazakh begins to tell a story, then the words are poured into a transparent stream, and it becomes warm in the soul». One more thing, he noted: «the purity and nature of the Kazakh language, as well as its wide distribution, caused my dedication to one whole volume made up of literary options and for collecting more legacies of this language. Besides, unlike other Kazakh relatives, their resourcefulness and oratory skills are influenced me» [5, p. 19–20]. The reason for this was the household consciousness of Kazakhs, not like now in casual language, at that time they were close to the literary one. Radlov draws attention to «the presence of the art of speech, loving conversation, loudly joking, smart story, smooth and free speech, the formation of the rhythm of simple speech, open and real thought, melodious and beautiful, masterful and eloquent language, clever use of language, resourcefulness, language as a transparent stream and warm for the soul» [6, p. 26–27]. which was equally characteristic of the general public speaking in Kazakh. It was an oral literary language that speaks three generations: grandfather, son, and grandson.

Moreover, Radlov highlighted that there is no wonder that the Kazakh word meant art. According to Baitursynov, each Kazakh knew the subtleties of the language (the laws of words, terms and conditions of word use), to combine words, to choose them (the accuracy of the word, the purity of the language). According to the divi-

sion of the scientist, the Kazakh word was like a word of edification and oratory word. Words of edification consisted of fragmentary patterns that were not considered in modern phraseology.

Furthermore, Baitursynov said that in the pronunciation of oratory words there is the following logic: initiative — recommendation — statement (description, reasoned opinion) — instigate/excitement (influence on the heart, making system free, heat the blood, humiliate, annoy) — conclusion. In order to make the language eloquent, it must go like this: toxic-exclamatory — touching-heart-breaking-visual-meaningful [5, p. 224]. Such logic and language colouring existed in the ancient Kazakh oral language. The logic in the Kazakh phrase made it short and compact. Syzdyk stated that: «A sample of the compact word without unnecessary elements can be seen more clearly in the ancient oratory of the Kazakh language» [7, p. 78–79]. The scientist said instead of using more complex sentences with conjunctions, the large use of related species makes the word compact: «Әйеліңмен дос бол — берекең кіреді, азаматпен дос бол — қадіріңді біледі, білімдімен дос бол — ақыл кеңес береді» (Be friend with wife and you will have prosperity, have good friends and they will respect you, be friend with smart one and he/she can give you advice). However, in the current written Kazakh, we will probably add conjunction», «because» [7, p. 78].

According to Syzdyk «linking sentences without conjunctions corresponds to the general norm of oral speech, where instead of conjunctions the voice rhythm can function: when we are skipping the conjunctions, we can pronounce slightly with intonation» [7, p. 96]. In former Kazakh compacts can be seen in the words:

«Аз нені айтады? Көптен көрген қорлығын айтады// Көп нені айтады? Азға жасаған зорлығын айтады». «Бір бала бар — атадан өте туады, бір бала бар — атаға жете туады, бір бала бар — кейін қарай кете туады». «Мал бағу? [малды] Жоқ баға алмаймын. Балалар өздерінше керегінше [малды] өздері бағар... Балаларды бағу? Жоқ, баға алмаймын.

[Балаларды] Бағар едім, [бірақ] қалайша бағудың мәнісін де білмеймін, [оларды] оларды не болсын деп бағам[ын], [балаларды] қай елге қосайын, қай харкетке қосайын» [8, p. 17].

«What the less will say? It will say all his troubles//Many what will say? It will say the help what was done for the less». «There is one child, born after grandfather, there is one child, born after reaching grandfather, and there is one child, born after all». «Graze cattle? I can't graze [cattle]. Children, in their own way, how they will need to graze [cattle] ... Raise children? No, I cannot. I would bring up [children], [but] I do not know how to bring up [them], how can I [bring up] them, to which society I should add [children], to which action should I add». About the words inside the bracket in the last passage, Syzdyk wrote, «this is a structure of oral speech. Even at the beginning of a paragraph, the question meaning of the phrase is made only by intonation, which can occur only in the act of speaking» [9, p. 101].

Moreover, the scientist add: «the division of a word combination into parts, especially into intonation groups, attracts the listener's attention, the speaker's speech is divided «by order», «disciplines», the speech in this form is clearly accepted, understandable, the listeners enjoy from such an easy speech k [9, p. 100]. *Measures need to be taken for the future of Kazakh oral language.* Modern Kazakh oral literary language is divided into 3 or 4 groups. The first, using a high level of oral language, at an elite level, the second, using an upper and middle level of oral language (this is mainly the language of city residents who speak oral, the simplest style of speech, graduated from a higher educational institution in Kazakh, employees of state institutions), and those who do not use oral language or speak casual speech languages (there are other language elements, dialect, slang words). Oral literary language is in the use of the Kazakh intelligentsia, poets, writers, correspondent scientists, literary critics, journalists, politicians, as well as representatives of the government and the country. In general, the modern Kazakh language is subdivided as follows (Table 1).

Table 1. – Grouping Kazakh language styles

Speaking language	Literary language	
1. Casual speech style	Oral literary style	Written language style
2. Colloquial style	1. Public speaking	1. Artistic style (descriptive writing)
3. Neutral style	2. Oratory speech	2. Official style (business letter)
	3. Scientific speech	3. Scientific style
	4. Business speech	4. Journalistic style

Here, there is the meaning of neutral speech. The language of neutral speech is a free from dialects, barbarism, jargon, as well as it is considered as a language that saved the norms of correct speech (orthoepic, grammatical, and lexical), it also combines a simple speech and written language. Most people who speak in this neutral language are indicators of the viability of this language.

Secondly, an artificial word appeared. This can be noticed from the syntax of the word in the speech of students. Third, often confusing the norms of spoken and written language, *фТВ* not understanding the difference between the colloquial style and the official style. Fourth, depending on the ethics of the word, young people put themselves first. This is the influence of Western market culture, educating individualists, and the influence of Russian speakers, often observed from Russian television programs. It can be seen that without listening to each other, we can hear only about what «I» said [10, p. 130].

Results of the study

Oral Kazakh is the main functional form of the codified literary language that is spoken and heard, and which serves for oral communication. This is the first language should be learned, and which is learned naturally, it can also be considered as an untrained language. It reflects the entire informal life of a person and shows the whole secret of communication. With the help of oral speech, we can understand an individual peculiarity, and a person's worldview. Especially from unprepared speech, a person's personality can be easily recognized. That is why spoken language is considered as the soul of language. A person can think that it is normal what he/she heard, and not what he/she read. He/she gets used to it. A skill becomes a system. Wrong skills turn into normal and then into one system. Therefore, spoken language changes both the language of writing and the literary language. Is it not dangerous if this important oral language will not be heard in its homeland, and will be used with mistake?

It should be noted that in Kazakhstan all conditions for the oral Kazakh language have been created: Kazakh schools, Kazakh kindergartens, Kazakh branches of universities, institutions with Kazakh language instruction, etc. Does an undergraduate student, who graduated from Kazakh instructed higher education institution, will continue mastering the oral Kazakh language in a future position? It is hard to explain. There are conditions; nevertheless, there is no place for implementation. Language

at this moment is in stagnation. In official places, the Kazakh language sounds little. We use a word that sounds as intended. As in documents, reports or memos of the institution, the written Kazakh language may be reflected. However, the staff mainly speaks Russian or English. In doing so, they allow another language to become a means of communication. A language that is not used verbally can become rusty or obsolete. From a language that has not been used verbally, our ears can be tired. Then the misunderstanding will take place. Therefore, the main purpose of this paper is to discuss issues such as determining the Kazakh spoken language, its incorrectness, its rare use, lowering the value of the spoken word, features of the former Kazakh language, the awkward language of youth, and the future of the Kazakh spoken language as well as it will attempt to find out possible solutions.

Conclusion

Thus, in order to find out the complexity of the problem, we made a small «drama» from the modern oral Kazakh language. There are possible solutions to solve the issue of current oral Kazakh language:

1. The development of oral skills, instead of learning letters with the child in preschool institutions.
2. Making changes in the programs of elementary schools, and do not teaching the oral speech of first grade school student with writing language, mastering their oral speech.
3. Making the hours of the subject of Kazakh language more, and include to each class of its program teaching of oral speech, orthoepy, pronunciation.
4. For high school students, there should be the subject «Culture of oral speech»
5. For the students of universities, there should be courses of «Culture of oral speech»/ «Professional oratory»/ «Culture of public speech»/ «Oral Kazakh language»/ «Skills of oratory».
6. Making the topic oral speech as research subject, and finding out the methods of developing oral speech.
7. To do research and clarification on the system of public speech and logic of oratory.
8. To suggest system and logic.
9. To provide sample words of different directions.
10. To prepare guidelines for the use of public speech system and culture.
11. To prepare the sample of analysis of wrongly spoken or used words.
12. To include oratory people into the mass media.

References

1. The State Program. The Development and Functioning of Languages in the Republic of Kazakhstan for 2011–2020.– UPL: <http://adilet.zan.kz/>
2. Syzdyk R. The oral form of the Kazakh literary language.– Almaty, 1987.– P 235 (in Kazakh.).
3. Uali N. Theoretical basis of Kazakh speech culture.– Almaty, 2007. PhD dissertation.– P 138.
4. Biy aga. Collected works.– Almaty, 1983.– P 258 (in Kazakh.).
5. Kekilbayev A. Urker.– Almaty, 1981.– P 1503 (in Kazakh.).
6. Baitursynov A. Collected works.– Almaty, 1989.– P 562 (in Kazakh.).
7. Radlov V. V. Samples of folk literature of the Turkic tribes living in southern Siberia and the Dzungarian steppe. Part III. St. Petersburg, 1870. (In Russian.).
8. Syzdyk, R. Orally developed Kazakh literary language.– Almaty, 2014.– 568 p (in Kazakh.).
9. Auezov M. The Path of Abai.– Almaty, 1942.– P.345.– 1st ed. (in Kazakh.).
10. Uali N. Culture of words.– Almaty: Shkolnaya STR., 1984.–P. 220. (in Kazakh.).

Information about the authors

Kuderinova Kuralai Bimoldakyzy, Doctor of Philology, Professor, Chief researcher Of the Institute of Linguistics, A. Baitursynov Institute of Linguistics, Almaty, Kurmangazy, 29.

E-mail: kuderinova_70@mail.ru

ORCHID: <https://orcid.org/0000-0002-3068-5907>

Amirkhanova Nazira Serikovna, Candidate of philological Sciences, leading researcher At the Institute of Linguistics, A. Baitursynov Institute of Linguistics? Address: Almaty, Nurkent, 35, kV 25

E-mail: nazira.amirzhanova@mail.ru

ORCHID: <https://orcid.org/0000-0002-3068-5907>

Ermukhamet Maralbek, PhD doctor, Researcher At the Institute of Linguistics, A. Baitursynov Institute of Linguistics, Almaty, Kurmangazy, 29.

E-mail: elahau@mail.ru

ORCHID: <https://orcid.org/0000-0002-3068-5907>

Sadykova Marzhan Serikovna, PhD doctoral student, Researcher At the Institute of Linguistics, A. Baitursynov Institute of Linguistics, Almaty, Kurmangazy, 29.

E-mail: m.serikqyzy@tilbilimi.kz

ORCHID: <https://orcid.org/0000-0002-3068-5907>

Economics and management

Экономика и управление

УДК 65.012.27

DOI: 10.29013/AJH-21-1.2-44-52

Г. В. КАРАЛИДЗЕ, ¹О. М. ЗАЛУЧЁНОВА, ²¹ Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан² Университет «Туран» г. Алматы, Казахстан

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИЕЙ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

Аннотация.

Цель: определить целесообразность перехода системы стратегического управления в формат проектного менеджмента в связи с условиями, навязанными пандемией «Covid-19».

Методы: наблюдения, аналогии, аналитики, сравнения, обобщения, системного анализа, группировки данных и теоретического познания.

Результаты: на основе проведенного анализа и аналитики, установлена необходимость внесения изменений в стратегическую и функциональную деятельность организаций, подтверждена способность двухуровневой системы управления проектами в контексте стратегического менеджмента дать достойный ответ современным вызовам внешней среды, обусловленным эпидемиологической ситуацией в мире. Использование проектного управления наряду с проведением структурных изменений в организациях обеспечит их выживаемость в долгосрочном периоде, а также позволит привлекать иностранную рабочую силу без необходимости физического переезда, что, в свою очередь, обеспечивает доступ к более широкому профилю специалистов, при этом позволяет избежать дополнительных затрат.

Научная новизна: в статье впервые рассматривается проектный менеджмент как инструмент реализации стратегических задач в изменившихся условиях внутренней и внешней среды, обусловленных пандемией «Covid-19».

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы организациями при перестройке системы стратегического управления под современные условия деятельности. Также в образовательной и научной деятельности.

Ключевые слова: стратегический менеджмент; проектный менеджмент; управление проектами; управление программами и портфелями проектов; матричные структуры.

Для цитирования: Каралидзе Г.В., Залучёнова О.М. Система управления проектами как инструмент управления реализацией стратегических целей // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, №1–2. – С. 44–52. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-1.2-44-52>

Введение

Современная ситуация с пандемией коронавируса «Covid-19» до сих пор вносит серьезные изменения в жизнедеятельность как индивидуумов и организаций, так и целых государств. Вынужденная самоизоляция, перевод работников в организациях, где это было возможно, на дистанционный формат работы. Кардинальное изменение (в большинстве случаев) процессов коммуникаций между работниками, а также между поставщиками товаров и услуг и потребителями приводит к структурным изменениям в самих организациях и в экономике в целом. Это лишь малая часть фактических изменений, которые претерпевает современное общество, когда эти изменения закончатся, и что будет в итоге — предсказать трудно, одно можно утверждать точно — многое из того, что изменилось, не вернется в обозримом будущем.

При этом, в контексте современных для стран постсоветского пространства трендов внедрения проектного и процессного управления, цифровизации деятельности, вплоть до формирования виртуальных организаций и совершенствования процесса стратегического управления, организациям брошен вызов по разработке и внедрению эффективного инструмента для того, чтобы стратегия действительно стала эффективным инструментом, обеспечивающим развитие и конкурентоспособность организаций.

На наш взгляд, этим инструментом может стать система проектного управления, требующая, в свою очередь, трансформацию организационной структуры предприятия.

Результаты исследования

Для того, чтобы стратегия действительно стала эффективным инструментом, особенно в условиях текущей неопределенности внешней среды, саму её разработку необходимо организовать как проект. В этом проекте должна принять участие вся управленческая команда высшего и среднего звена, а также отдельные эксперты, под которыми авторы понимают ключевых сотрудников, обладающих необходимыми знаниями и опытом в тех или иных областях, важных при разработке стратегии. Менеджером данного проекта должен стать высший руководитель или собственник.

На первом этапе проекта проводится анализ среды с помощью различных инструментов. SWOT-анализ позволяет оценить сильные и слабые стороны внутренней среды организации, возможности и угрозы внешней среды и установить связи между ними. PEST-

анализ выявляет основные тренды развития организации, определяя их в политической, экономической, социально-демографической и технологической сферах. Анализ рынка проводится с целью выявления потребителей, поставщиков, партнёров, сильных и слабых сторон конкурентов. С помощью BCG матрицы определяется, насколько перспективен бизнес, решаются вопросы о развитии или закрытии отдельных направлений, товаров / услуг. С помощью ADL / LC матрицы разрабатывается методика стратегического анализа и планирования диверсификации деятельности многоотраслевой корпорации на корпоративном уровне и на уровне отдельных хозяйственных звеньев. С помощью этих и других аналитических инструментов проводится анализ внешних и внутренних ограничений, препятствующих эффективному функционированию и развитию организации. На этом этапе также разрабатывается карта проблемных областей и формулируются 5–7 главных стратегических проблем.

Далее на основе анализа конкурентов, сильных и слабых сторон компании, возможностей для развития бизнеса вырабатываются ключевые стратегические решения.

На третьем этапе определяется позиционирование организации на рынке: ценности, создаваемые организацией для клиентов, целевые сегменты рынка, ключевые отличия от конкурентов (здесь важно иметь в виду, что нужно быть не как конкуренты, а впереди них). Позиционирование есть суть и главное содержание стратегии, определяет дифференцирующую конкурентную позицию организации на рынке.

На четвёртом этапе разрабатывается организационная концепция — определяется, что должно измениться в организационной структуре и рабочих процессах организации.

На пятом этапе определяется, от каких ресурсов в решающей степени будет зависеть успех стратегии, разрабатываются планы по их достижению.

На шестом этапе по методике BSC—Сбалансированная система показателей создаётся система контроллинга для управления стратегией: разрабатывается карта стратегии, вырабатываются стратегические цели и показатели для измерения прогресса в реализации стратегии. Руководство организации именно с помощью этих инструментов управляет выполнением стратегии.

Эти инструменты позволяют определить наиболее важные направления стратегического развития организации и наиболее важных исполнителей.

После определения стратегии и основных исполнителей, необходимо приступить к реализации стратегии. Для обеспечения эффективности данного процесса предлагаем рассмотреть такой инструмент, как управление проектами.

Проектный менеджмент рассматривает деятельность как проект, который состоит из уникального набора процессов, включающий координированные и контролируемые операции с датой начала и завершения, предпринимаемые для достижения цели. Несмотря на похожесть множества проектов, каждый проект уникален, так как разница может проявиться в результатах, достигаемых проектом; различном влиянии стейкхолдеров на проекты; используемых ресурсах; и способах адаптации процессов для достижения результатов [1, п. 3.2].

В настоящее время наибольшей популярностью пользуются три стандарта управления проектами: PRINCE 2, PMBOK и ISO 21500:2012, каждый из которых имеет свои сильные и слабые стороны, но все они говорят о стратегических целях и их реализации посредством предлагаемых систем.

Институт управления проектами PMI (США) принял решение о специализации стандарта PMBOK и выделил следующие области управления проектами: управление стоимостью; выстраивание иерархических структур деятельности; государственное управление проектами; проекты в строительстве и так далее, это, на наш взгляд, вынуждает тратить большее количество ресурсов на адаптацию стандарта к деятельности организации образования. Также необходимо учитывать тот факт, что PMBOK определяет достаточно жесткие требования к планированию и соблюдению планов, что не способствует упрощению восприятия стандарта и не добавляет ему привлекательности для использования.

PRINCE 2, в свою очередь, отличается тем, что данный метод ставит фокус внимания на аспекты проектов 7x7x7, то есть 7 принципов, 7 процессов, 7 тем. При этом стандарт не содержит специализации на отрасли, что, несомненно, является плюсом. Но есть и минусы: в базовом понимании PRINCE 2 не считается гибкой методологией, например, он не рассматривает использование итеративного разделения процесса. Данный стандарт чаще воспринимается как гибрид системы совершенствования качества «б сигм» и классического подхода к проектному управлению.

Что приводит к выпуску в 2015 году концепции PRINCE 2 Agile, сочетающий в себе, по мнению разработчиков всё лучшее, что дают оба этих подхода. Данная концепция предполагает специализированную сертификацию для менеджера, т.е. дополнительные затраты на переобучение, что, в условиях Covid, не способствует его популяризации.

В связи со всем вышеизложенным, считаем, что наиболее применимым в современных условиях стандартом является ISO 21500:2012, поскольку он является международным, а Республика Казахстан также, как и Российская Федерация, являются полноценными участниками организации ISO, ратифицировавшими международные договоры с данной организацией, то в соответствии с пунктом 2 статьи 6 закона Республики Казахстан «О правовых актах» [2] и пунктом 2 статьи 7 Гражданского Кодекса Российской Федерации [3], данный стандарт обладает приоритетом, как перед национальными стандартами, так и перед законами (в Республике Казахстан) и гражданским законодательством (в Российской Федерации). Помимо этого, данный стандарт обладает достаточно большой степенью адаптируемости к организации, её внешней и внутренней среде.

Еще одним неоспоримым преимуществом стандарта является отсутствие жестких требований к методологии проектного управления, что позволяет прекрасно адаптировать под его требования любую методологию.

На наш взгляд, в современных условиях наиболее оптимальным будет использование методологии «Scrum» (входящей в комплекс методов гибкого управления проектами Agile), поскольку она не требует «слепого» следования первоначальному плану, при этом ни в коей мере не умаляя его достоинств, а настаивает на наблюдении и адаптации в процессе работы, что обеспечивает возможность своевременного принятия решений и подразумевает уход от системы жесткого планирования и надзора, что практически невозможно и достаточно затратно при удалённом формате работы.

Разработчиками «Scrum» предлагается 3 основных принципа:

- а) поиск совершенства, у которого нет предела (понимание общей цели, для решения которой постоянно ищутся неординарные варианты);
- б) автономность (лучшие команды являются самоорганизующимися и самоуправляемыми системами);

в) многофункциональность (группа должна обладать всеми необходимыми компетенциями, чтобы реализовывать проект от первого до последнего этапа).

Основой методологии «Scrum» выступает идея обеспечения регулярного мониторинга и анализа соответствия реализуемых задач поставленной цели, и сосредоточение внимания на возможностях для обеспечения постоянного улучшения в вопросах качества, стоимости и (или) сроков проекта и управления факторами, препятствующими реализации задач (сформулировано на основе [5]).

В стандарте ISO 21500, в разделе 3.4 описаны взаимоотношения между стратегией организации и проектным менеджментом, определено, что организации утверждают стратегию, основанную на миссии, видении и политике. Проекты обычно являются подчинёнными стратегическим целям и направлены на реализацию стратегических целей.

Стандарт отделяет проектный менеджмент от функционального, при этом не запрещая использовать положительные практики обоих этих направлений.

Концептуальное отличие проектного и оперативного управления определены в самом стандарте:

Организация функционирует с целью достижения конкретных целей. В целом вся деятельность организации может быть разделена на проектную и функциональную. Функциональная деятельность отличается от проектной в первую очередь тем, что она осуществляется относительно постоянными командами на протяжении повторяющихся процессов и нацелена на поддержание жизнеспособности организации. Проекты же реализуются временными командами, не повторяются и создают уникальные результаты [1, п. 3.7].

Фактически проектный менеджмент позволяет организации осуществлять стратегическое развитие через отдельные проекты, которые обеспечивают достижение глобальных задач и показателей, вне зависимости от физического присутствия работников в организации, при этом требуя заранее определить процессы коммуникаций и взаимодействия, что приобретает большую актуальность в условиях дистанционного формата работы.

Взаимодействие между участниками проекта (коммуникации) осуществляются посредством электронного обмена информацией и при помощи переговоров (совещаний) в дистанционном формате. Коммуникации в проекте должны гарантировать,

чтобы вся информация распределялась необходимым участникам своевременно.

В проекте существуют как внешние, так и внутренние коммуникации.

а) Внешние коммуникации в проекте — все коммуникации между заказчиком и другими участниками проекта.

Все внешние коммуникации в рамках проекта проходят через заказчика. В проекте используются следующие способы внешних коммуникаций:

- официальные письма на бумажном и электронном носителях;
- теле/видео/веб-конференции для обеспечения взаимодействия между двумя и более членами команды проекта;
- переписка посредством мессенджеров;
- отчетность заказчику по выполнению проекта.

б) Внутренние коммуникации, под которыми подразумеваются коммуникации между всеми членами команды проекта.

В проекте используются следующие способы внутренних коммуникаций:

- внутренние совещания команды проекта в формате теле/видео/веб-конференции;
- внутренняя отчетность по проекту;
- виртуальные собрания, оповещения членов команды проекта посредством электронной почты;
- переписка посредством мессенджеров;
- внутренние и внешние сетевые ресурсы (общие папки, базы данных), в которых размещается информация по проекту, необходимая всем членам команды проекта для полноценной информированности в рамках своих компетенций.

Таким образом обеспечивается своевременный обмен информацией и эффективная координация деятельности всех членов команды, что, в свою очередь, приводит к росту эффективности деятельности по достижению стратегических целей организации.

В рамках проектного управления проекты и отдельные виды работ могут группироваться в программы и портфели проектов:

Программа — это группа связанных проектов и отдельных работ, соответствующих стратегическим целям или другим важным целям. Управление программами заключается в централизованной и скоординированной деятельности по достижению этих целей [1, п. 3.5.2.2].

Портфель проектов — это набор проектов и программ и отдельных работ, которые сгруппированы вместе в целях содействия эффективному управлению этими работами по достижению стратегических целей организации. Управление портфелем проектов — это централизованное управление одним или несколькими портфелями проектов, которое включает выявление, приоритизацию, утверждение, управление и контроль проектов, программ и других работ для достижения конкретных стратегических целей [1, п. 3.5.2.1].

Способность к такой группировке может обеспечить синергетический эффект достижения стратегических целей деятельности компании. Не последнюю роль в этом играет координационный орган, который, при небольшом количестве проектов, может быть единоличным (например, первый руководитель или его заместитель) или коллегиальным и обеспечивает внешнее руководство проектом (для удобства здесь и далее термин «проект» включает в себя программу и портфель проектов).

На начальном этапе внедрения системы управления проектами, на наш взгляд, эффективнее будет использовать двухуровневую систему, состоящую из стратегического уровня и уровня реализации:

Стратегический уровень — уровень координационного органа, в ведении которого находятся вопросы: инициации новых проектов, утверждения уставов и планов проектов, а также внесения изменений, влияющих на сроки и бюджет.

Уровень реализации проектов. На данном уровне основную роль играет команда проекта, обеспечивающая планирование, организацию и реализацию проектной деятельности, с учетом ограниченности ресурсов, обеспечивающая разработку устава и плана проекта, а также подготовку отчетов о статусе проекта и отчетов о завершении проектов для стратегического уровня.

Данное разделение функционала обеспечивает адекватное распределение ресурсов, в том числе человеческих и временных, а также позволяет снизить вероятность наступления конфликтных ситуаций между проектными командами и упростить процесс координации их действий.

В связи с разделением функций считаем необходимым предложить базовый перечень компетенции участников проекта:

1. Член команды проекта — специализированные знания, навыки и опыт, как таковые не требуются,

необходимо умение работать в режиме многозадачности, компетентность в сфере реализации закреплённых функций в составе проекта, обучаемость и ориентация на результат.

2. Руководитель проекта — специализированные знания, навыки и опыт: знание методологии управления проектами, опыт успешной реализации проектов, обучаемость и ориентация на результат, вовлеченность, коммуникабельность, умение работать в режиме многозадачности.

Желателен стаж работы на руководящих должностях не менее 1 года или наличие сертификата, подтверждающего компетенции по проектному менеджменту.

3. Руководитель программы (портфеля) проектов.

Стаж работы на руководящих должностях не менее 3-х лет, или наличие сертификата по проектному менеджменту не ниже уровня «В» (IPMA) или ISO 21500.

4. Ведущий проектный менеджер.

Специализированные знания, навыки и опыт: знание методологии управления проектами, опыт управления проектами, знание стандарта ISO 21500, навыки работы в одной из программ проектного менеджмента, обучаемость и ориентация на результат, вовлеченность, коммуникабельность, умение работать в режиме многозадачности.

5. Эксперт команды проекта.

Стаж работы по направлению проекта не менее 3-х лет, умение работать в режиме многозадачности, коммуникабельность, вовлеченность.

Данный перечень является примерным и содержит базовые компетенции, которые, на наш взгляд, позволят обеспечить эффективное управление проектами, в том числе, и в дистанционном формате.

Как видно из описанного выше, если организация решит использовать проектный менеджмент, как ответ на вызовы, обусловленные пандемией «Covid-19», то, кроме стратегических и функциональных изменений, которые также являются неизбежными из-за пандемии, то перед ней (организацией) более остро встанет вопрос и о необходимости структурных изменений.

В настоящее время пандемия коронавируса кардинально изменила бизнес-процессы в организациях. Там, где это возможно, руководители и сотрудники работают в дистанционном режиме, что задаёт вектор применения новых подходов в менеджменте. Вы-

нужденная модернизация бизнес-процессов, в свою очередь, вызывает необходимость пересмотра организационных структур управления. Когда протекала активная фаза пандемии, централизованное управление способствовало оперативному реагированию на внешние угрозы и риски. Сейчас организации более — менее адаптировались к сложившейся ситуации, возникла необходимость в более гибком подходе при принятии решений в оперативном управлении и разделении полномочий высшего уровня управления. Оперативное управление всегда направлено на реализацию стратегии предприятия.

Для организаций, направленных на проектную деятельность, особый интерес представляет переход к матричной структуре управления. На этапе перехода к новой организационной структуре авторы рекомендуют внедрять матричную сбалансированную структуру управления со смешанным контролем бюджета, средней занятостью персонала, средними ресурсными возможностями и расширенными полномочиями проектного менеджера, с возможностью в дальнейшем перехода к сильным типам структур. В противовес иерархическим (бюрократическим) типам структур матричная структура имеет адаптивный характер.

Этот тип организационной структуры впервые появился в 60-е годы прошлого столетия в аэрокосмической промышленности, но именно сейчас, в условиях постоянных и быстрых изменений внешней среды возникает необходимость её внедрения в других отраслях и сферах деятельности различных компаний. Именно гибкость и открытость матричной структуры управления к изменениям во внешней среде повышает её актуальность на современном этапе развития экономики, повышает ответственность менеджера за проект, улучшает потоки информации и даёт возможность сотрудникам повышать свой творческий потенциал и, как следствие, инновационную деятельность предприятия.

Основу матрицы создают функциональные структурные подразделения и на них накладываются различные наборы групп, которые занимаются конкретными заданиями. В результате появляются два центра принятия решений: функциональный менеджер и менеджер проекта. Но вот здесь как раз и кроется определённая опасность. Ещё в 1916 году Анри Файоль разработал 14 принципов менеджмента, которые актуальны и сегодня. Одним из принципов был назван принцип единоначалия «Работник должен получать приказы только от

одного непосредственного начальника и отчитываться только перед одним непосредственным начальником» [4], который в данной структуре нарушается. Авторы считают, что в сегодняшней ситуации отхода от жёсткого следования должностным инструкциям и перехода к ролям назрела необходимость именно такого двойного подчинения.

При переходе к матричной организационной структуре управления необходимо помнить, что она имеет, как преимущества, так и недостатки.

Преимущества заключаются в гибкости самой структуры; высокой идентификации сотрудников с обозначенными целями; поощрении креативного, творческого, инновационного потенциала сотрудников; открытости и адаптации к постоянным изменениям внешней среды организации; улучшении восприятия потоков информации; повышении ответственности руководителя проекта за счёт расширения его компетенций на весь цикл реализации проекта.

В качестве недостатков можно выделить основные из них: нарушение принципа единоначалия и, как следствие, возникновение конфликтных ситуаций между функциональными и проектными руководителями, при этом нельзя забывать о таком важном аспекте, что в результате таких конфликтов в наибольшей степени пострадают исполнители; реализация матричной оргструктуры предъявляет более высокие требования ко всем участникам, вовлечённым в проект, что, в свою очередь, приводит к трудностям создания рабочих групп; перегрузку проектных руководителей текущими вопросами координации.

Внедряя новые принципы и правила в менеджмент организаций, всегда необходимо помнить, что все методы и механизмы имеют, как правило, не только позитивные, но и негативные стороны, поэтому переход к новым управленческим и структурным изменениям необходимо осуществлять продуманно, постоянно анализируя получаемые результаты.

Выводы

1. Текущая эпидемиологическая обстановка в мире приводит к необходимости пересмотра стратегий развития организаций и, в целом, к совершенствованию стратегического и функционального менеджмента с учетом дистанционного формата работы.

2. Проектный менеджмент является эффективным инструментом достижения стратегических целей при условии его правильного применения и обя-

зательной адаптации к внешней и внутренней среде организации.

3. Международный стандарт ISO 21500:2012 об- лагает приоритетом не только по причине его адап- тируемости, но и приоритизации по отношению к другим, не ратифицированным стандартам и наци- ональным документам.

4. Внедрение проектного управления структури- рует процесс коммуникаций, как внутри организации,

так и за её пределами, что приносит несомненную вы- году в условиях дистанционной работы большинства работников организаций.

5. Наиболее эффективной структурой управле- ния проектами на этапе внедрения в современных условиях будет матричная двухуровневая система, включающая стратегический уровень и уровень ре- ализации.

Список литературы

1. ISO 21500:2012 Guidance on project management (Международный Стандарт по Управлению Проектами ISO 21500:2012) <https://www.iso.org/ru/standard/50003.html>
2. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V «О правовых актах» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.07.2020 г.).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.07.2020 г.).
4. Файоль, Анри. Общее и промышленное управление / А. Файоль; пер. Б. В. Бабина-Кореня с предисл. А. К. Гастева. – Москва: Центральный институт труда, 1923–122 с.
5. Джефф Сазерленд Scrum. Революционный метод управления проектами – 2 издание – М.: Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2017–272с.
6. Менеджмент. Теория и практика Казахстана. Учебное пособие / Коллектив авторов / Под ред. А. Н. Тулембаевой 2е. издание, дополненное – Алматы: Igitik group, 2017–656 с.
7. Exploring Corporate Strategy (8th ed.) / G. Johnson, K. Scholes, R. Whittington. – FT Prentice Hall, 2008.
8. Сагадеева Т. Б. Подходы к оценке эффективности стратегического управления предприятиями в отечественной и зарубежной теории и практике // Вестник Самарского государственного экономического университета. – № 12 (98). – 2012. – С. 97–100.
9. Ходоровский М. Я., Алексенко Е. В. Подходы к оценке эффективности стратегии организации // Прикладная экономика – Вестник УГТУ-УПИ. – № 3. – 2009. – С. 4–21.
10. Гурков И. Б. Стратегический менеджмент организации. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – М.: ТЕИС, 2004. – 239 с.

Информация об авторах

Гела Владиславович Каралидзе, доктор делового администрирования, преподаватель-практик, Факультет медицины и здравоохранения, Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби

Адрес: 050040, Республика Казахстан, г. Алматы, проспект аль-Фараби, 71

E-mail: gorgon_xyz@list.ru, тел.: +7-705-374-06-20

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3307-8010>

Ольга Михайловна Залучёнова, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент», Университет «Туран»

Адрес: 050060, Республика Казахстан, г. Алматы, мкр. Алмагуль, д. 2, кв. 44

E-mail: olga-zaluchanova@yandex.ru, тел.: +7-705-994-94-96

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3161-6767>

G. V. KARALIDZE, ¹O. M. ZALUCHYONOVA, ²¹ *al-Farabi Kazakh national university, Almaty, Kazakhstan*² *Turan University, Almaty, Kazakhstan*

PROJECT MANAGEMENT SYSTEM AS A TOOL FOR MANAGING THE IMPLEMENTATION OF STRATEGIC GOALS

Annotation

Objective: to determine the feasibility of switching the strategic management system to the project management format in connection with the conditions imposed by the Covid-19 pandemic.

Methods: observation, analogy, analysis, comparison, generalization, system analysis, grouping data, and theoretical knowledge.

Results: based on the analysis and analytics, the need to make changes in the strategic and functional activities of organizations is established, and the ability of a two-level project management system in the context of strategic management to provide a worthy response to modern environmental challenges caused by the epidemiological situation in the world is confirmed. The use of project management along with the implementation of structural changes in organizations will ensure their long-term survival, as well as allow attracting foreign labor without the need for physical relocation, which, in turn, provides access to a wider profile of specialists, while avoiding additional costs.

Scientific novelty: the article for the first time considers project management as a tool for implementing strategic tasks in the changed conditions of the internal and external environment caused by the Covid-19 pandemic.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used by organizations when restructuring the strategic management system to meet modern business conditions. Also in educational and scientific activities.

Keywords: strategic management; project management; management of project program and portfolio; matrix structures.

References

1. ISO 21500: 2012 Guidance on project management (international standard for Project Management ISO 21500: 2012) <https://www.iso.org/ru/standard/50003.html>
2. Law of the Republic of Kazakhstan dated April 6, 2016 No. 480-V «on legal acts» (with amendments and additions as of 07.07.2020).
3. Civil code of the Russian Federation. Part one of November 30, 1994 No. 51-FZ (with amendments and additions as of 31.07.2020).
4. Fayol, Henri. General and industrial management / H. Fayol; translated by B. V. Babina-Molars with Foreword. A. K. Gasteva.– Moscow: Central Institute of labor, 1923–122 p.
5. Jeff Sutherland Scrum. Revolutionary method of project management – 2nd edition–Moscow: Mann, Ivanov and Ferber (MYTH), 2017–272s.
6. Management. Theory and practice of Kazakhstan. Textbook / A team of authors / Ed. A. N. Tulembaeva 2e. edition, supplemented – Almaty: Igilik group, 2017–656 p.
7. Exploring Corporate Strategy (8th ed.) / G. Johnson, K. Scholes, R. Whittington.– FT Prentice Hall, 2008.
8. Sagadeeva T. B. Approaches to assessing the effectiveness of strategic enterprise management in domestic and foreign theory and practice // Bulletin of the Samara State University of Economics.– No. 12 (98).– 2012.– C. 97–100.
9. Khodorovsky M. Ya., Aleksenko E. V. Approaches to assessing the effectiveness of an organization's strategy // Applied Economics – Bulletin of USTU-UPI.– No. 3.– 2009.– C. 4–21.
10. Gurkov I. B. Strategic management of the organization.– 2nd ed., Revised and supplemented.– M.: TEIS, 2004.– 239 p.

Information about the author

Gela Karalidze, doctor of business administration, lecturer-practitioner, al-Farabi Kazakh national university

Address: 71 al-Farabi Avenue, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

E-mail: gorgon_xyz@list.ru, tel: +7-705-374-06-20

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3307-8010>

Olga Zaluchyonova, candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department «Management», Turan University

Address: 050060, Republic of Kazakhstan, Almaty, microdistrict Almagul, 2, apartment 44

E-mail: olga-zaluchenova@yandex.ru, tel: +7-705-994-94-96

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3161-6767>

Т.В. ЛУНЕВА,¹Е.А. ОРЛОВА,¹А.В. ЗАРИЦКАЯ,¹¹ Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань, Россия

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РФ

Аннотация.

Цель: изучить показатели государственной поддержки малого и среднего бизнеса в России и выявить проблемы его развития.

Методы: наблюдение, обобщение, сравнительный анализ.

Результаты: на основе изученного теоретического материала исторического экскурса, выявлены особенности развития и проблемы недостаточного финансирования малого и среднего секторов бизнеса со стороны государства. Показатели развития малого и среднего секторов бизнеса в России позволяют выявить динамику и перспективы распределения ресурсов для поддержания МСП.

Научная новизна: в работе впервые анализируется и обещается широкий спектр факторов, определяющих поддержку МСП стороны государства.

Практическая значимость: основное положение и выводы статьи могут быть использованы во внедрении инициатив, позволяющих оптимизировать меры поддержки МСП.

Ключевые слова: поддержка малого и среднего бизнеса, государственная поддержка, вклад в экономику страны/региона, повышение/снижение уровня ВВП.

Для цитирования: Лунева Т. В., Орлова Е. А., Зарицкая А. В. Практические аспекты реализации государственной поддержки малого и среднего бизнеса в РФ // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, №1–2. – С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-1.2-53-61>

Введение

Государственная финансовая поддержка представляет собой некий конгломерат финансовых структур, обеспечивающих стабильное состояние некоторых отраслей экономики, их развитие и налаживание связи для продвижение каких-либо инноваций, и другого рода видов прогресса.

Финансовая структура любой страны сама по себе устроена таким образом, что из общего количества денежных ресурсов выделяется определённая их часть на различные сферы деятельности государства. В процессе этого распределения учитываются сопутствующие факторы, такие как: перспективы развития, состояние и общие расходы на поддержание отраслей. Именно значимость МСП в экономике страны выступает основанием в поддержки отраслей, и их

составляющих в виде каких-либо предприятий, занятых этой деятельностью, со стороны инвесторов, в том числе и в лице государства.

Контроль работы предприятий малого бизнеса частично подчинен государству, с установленными им законами, критериями, показателями и конституированными сущностями, регулирующими его деятельность.

Широко распространена идентификация любого вида бизнеса исходя из показателей численности персонала, величины оборота, величины активов, размера уставного капитала. По этим критериям малый бизнес ограничивает численность работников до 100 занятых сотрудников, в уставном капитале доля участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, общественных и религиозных организа-

ций/объединений, благотворительных и иных фондов не превышает 25%, доля, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимися субъектами малого предпринимательства, не превышает 25% (Федеральный закон от 14.06.1995 г. № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации»).

Тенденции ведения государственной политики таковы, что поддержка со стороны правительства каких-либо предприятий происходит по приоритету государственных программ развития различных сфер деятельности. В круг отраслей получающий финансирование входит: промышленность, сельское хозяйство, транспортная инфраструктура, связь и другие социальные инфраструктуры. Меры, оказываемые правительством по развитию отраслей в большей степени направлены на улучшение финансового состояния субъектов предпринимательской деятельности и на стимулирование развития общенациональных интересов.

По мнению многих авторов «малое предпринимательство — это новые товары и услуги, новые рабочие места, основные налоги в местные и федеральные (республиканские) бюджеты, низкие издержки и доступные цены. Предприятия малого бизнеса служат динамичной и гибкой формой реализации предпринимательской деятельности, способствуют увеличению на рынке потребительских услуг и товарной массы, обеспечению занятости населения и созданию комфортных условий для населения страны» [4]. Все вышесказанное предопределяет необходимость поддержки сферы малого и среднего бизнеса.

Результаты исследования

Малый бизнес на территории Российской Федерации на протяжении нескольких последних лет оказывал значительное влияние в формировании экономики страны в целом. В ряде развитых странах на долю малого бизнеса приходится 60–70% ВВП. Одна только сфера туризма производит совокупный вклад в мировой ВВП более 10%, а по прогнозам на 2028 г. он составит уже 12.5 трлн. долларов или 11.7% (при раскладе стабильного состояния финансовой системы и быстрого выхода из кризисных состояний).

Российская экономика — это типичная сырьевая экономика, официально около трети доходов федерального бюджета формируется в качестве поступления экспорта, неофициально с учетом связанных отраслей, примерно 50–60%. В этих условиях назы-

вать Российскую экономику стабильной, это очень сомнительно.

Исследование государственной поддержки малого бизнеса и перспектив их развития, обусловлена вкладом предприятий в экономику страны в 21.9% (в среднем) ежегодно в промежутке последних 3 лет. При условии увеличения инвестиционной поддержки со стороны государства для малых предприятий, этот вклад может существенно увеличиться. Президент Владимир Путин, выступая с посланием Федеральному собранию высказал мнение, касательно прогнозов развития малого бизнеса при должных инвестициях: «к 2025 году вклад малого и среднего бизнеса в ВВП должен приблизиться к 40%», — отметил глава страны. Параллельно с этим он поставил цель по росту числа занятых в МСП с 19 млн. до 25 млн. человек.

Предпринимательство в роли социально-экономического явления существует в РФ на протяжении около 20 лет. «В 1985 году был издан Федеральный закон об индивидуальной трудовой деятельности, с этого момента и началось развитие предпринимательства. Малые предприятия создавались по образу и подобию кооперативов в Советском Союзе. Подтверждением этого могут стать показатели объема производства, реализации товаров/услуг. В 1987 году этот показатель составил 330.7 млн. руб., в 1988–6.1 млрд. руб., в 1989–40.3 млрд. руб. За период двух лет, показатели увеличились в 122 раза. Кооперация, начав почти с нуля, к концу 1989 г. дала около 4% процентов всего национального продукта страны» [1].

Все эти явления в экономике России до распада СССР плавно подвели нас к действующей модели экономики государства — рыночной экономической системе РФ.

Для рыночной экономики, действующей в России, малый бизнес играет важную роль. Хотя эта роль зачастую пренебрегается правительством, стоит отметить что, по данным выдвинутым компаний «Сбербанк» по окончанию двух первых кварталов 2019 года более 18 млн. россиян работают на предприятиях малого и среднего бизнеса, что составляет 25.6% рабочих мест в стране [3].

Анализируя экономическое состояние какого-либо финансового сектора, стоит учитывать, что не всегда имеется возможность четко отделить мелкие сферы. Так малый и средний бизнес при анализе состояния экономики в России в большинстве случаев объединен.

Развитие предприятий малого и среднего бизнеса прежде всего зависит от экономического состояния в стране. В особенности можно выделить государственный фонд, деятельность которого касается

поддержания стабильного финансового состояния компаний этого сектора [3]. Статистика последних нескольких лет указывает на сокращение количества предприятий малого бизнеса (см. табл. 1).

Таблица 1. – Общая численность предприятий малого и среднего бизнеса в России в период 2017–2019 гг.

Размер предприятий	10.01.2017 г.	10.01.2018 г.	10.01.2019 г.	2019 г. к 2017 г., %
Микро	5 576 939	5 751 885	5 771 626	103,5
Малые	268 488	267 033	250 758	93,4
Средние	20 353	20 298	18 811	92,4
ВСЕГО	5 865 780	6 039 216	6 041 195	103

При увеличении числа подобных компаний, растёт и совокупный вклад этого сектора в экономику государства, обусловленный конкурентоспособностью, уровнем эксклюзивности и уникальности представленных товаров и услуг на рынке. Исходя из данных представленных в таблице 1, мы видим сокращение численности предприятий малого бизнеса 2019 г. к 2017 г. на 6,6% или 17 730 предприятий. Эти данные можно объяснить недостаточным уровнем

господдержки интересующего нас сектора бизнеса. Однако многие предприятия малого и среднего бизнеса «выходя из игры» преобразуются в преуспевающий сектор микро-предприятий с целью удержания организации на плаву и получение минимальной прибыли.

Динамика же численности предприятий сектора малого и среднего бизнеса с 2017 по начало 2020 года, выглядит следующим образом (рис. 1):

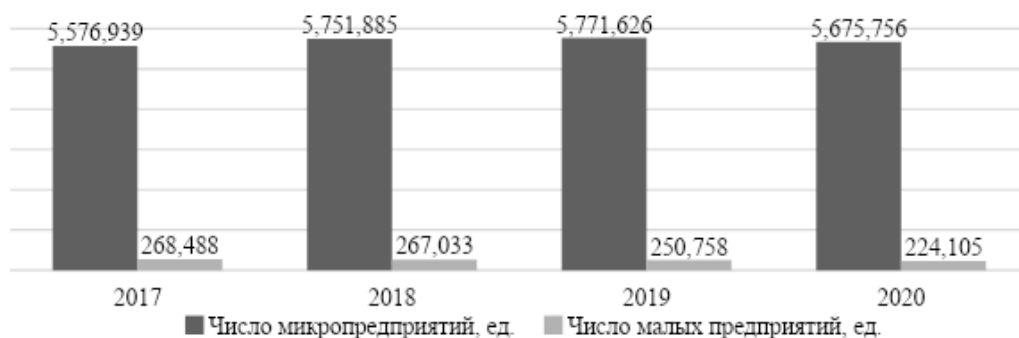

Рисунок 1. Динамика изменения численности малых и средних предприятий в РФ за период 2017–2020 гг.

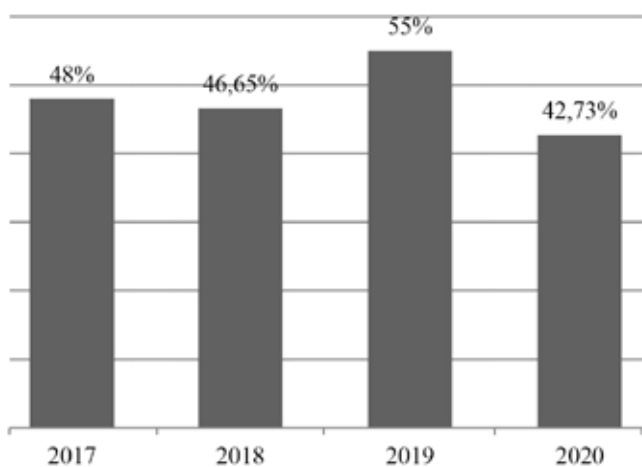

Рисунок 2. Доля юридических лиц, вовлеченных в МСП (в России)

Таким образом, за рассматриваемый период наблюдается значительное снижение доли юридических лиц (с 48% до 42,73%) и увеличение доли индивидуальных предпринимателей. Доля малых предприятий сократилась с 4,5% в 2018 г. до 0,78% в 2019 г. (рис. 2).

Стабильность экономики в стране влияет также на уровень жизни граждан, а соответственно и на некоторых участников сектора малого бизнеса [3], так как в этом секторе принимает участие большой процент населения (рис. 3).

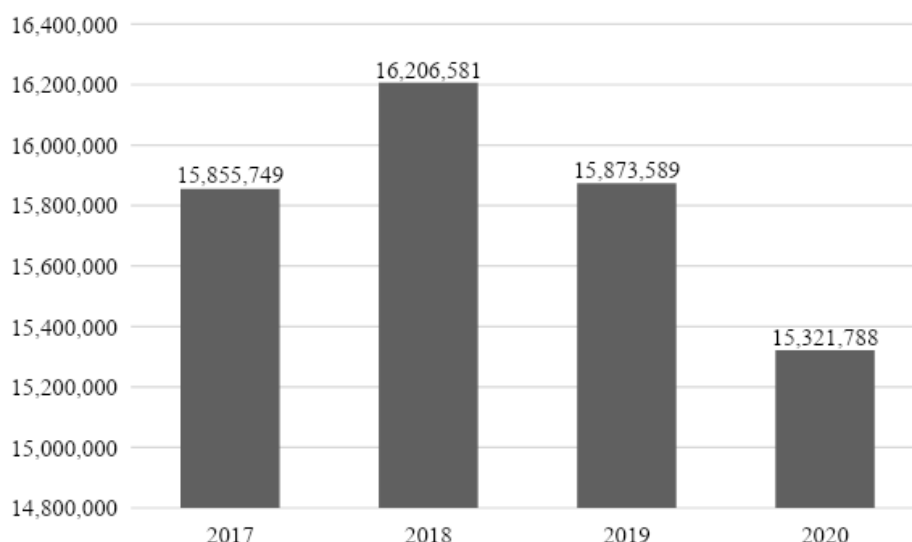

Рисунок 3. Динамика численности занятых на предприятиях малого и среднего бизнеса за период 2017–2020 гг., чел.

На 2020 г. численность занятых на предприятиях малого и среднего бизнеса снизилась на 3,36% и составила 15321788 чел. по сравнению с январем 2017 г.

Для восприятия масштаба недофинансирования сектора, можно обратиться к статистике, сравнивающей ценность малых и средних предприятий в России и зарубежном (см. табл. 2).

Таблица 2. – Показатели роли малого и среднего предпринимательства (МСП) в развитых странах мира 2019 г.

Показатель	США	Япония	Великобритания	Германия	Россия
Доля МСП в ВВП страны, %	52	51,6	52	57	22
Доля МСП к числу трудоспособного населения, %	50,1	69,5	55,5	69,3	27
Доля МСП к числу предприятий, %	97,6	99,2	99,1	99,3	42

Исходя из показателей таблицы 2, приходим к выводу: доля малого и среднего бизнеса зарубежом составляет около 100%, в то время, как в РФ эта доля не достигает и 50%. Результатом деятельности предприятий этого сектора является половина ВВП всей страны, в России этот показатель ниже 25%.

Также численность предприятий малого бизнеса можно наглядно представить благодаря данным распределения предпринимательства по федеральным округам (см. табл. 3).

Таблица 3. – Структура малого предпринимательства по федеральным округам за период с 2017–2020, %.

Федеральный округ	2017	2018	2019	2020
Центральный	31	31	30	31
Северо-западный	11	11	12	12
Южный	12	12	12	12
Северо-кавказский	3	3	3	3
Приволжский	18	18	18	18
Уральский	9	9	9	9
Сибирский	12	12	11	10
Дальневосточный	4	4	5	5

Наибольшее число предприятий малого и среднего бизнеса размещено в Центральном ФО — 31%

в 2017 г., 31% в 2018 г., 30% в 2019 г. и 31% в 2020 г. На втором месте по численности размещенных предпри-

ятий малого и среднего бизнеса находится Приволжский ФО — 18% в 2017. — 2020 гг. Также значительная доля малых и средних предприятий (более 10%) размещена в Сибирском ФО, Южном ФО, Северо-Западном ФО.

Значимость малого и среднего бизнеса в экономику страны также можно представить в виде данных вклада (рис. 4) [2].

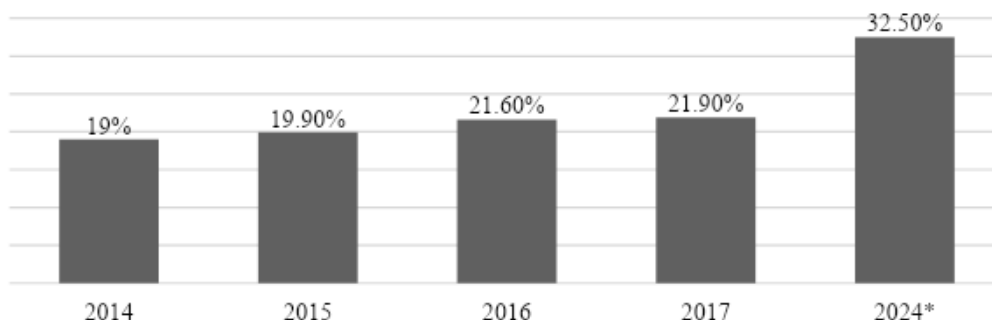

Рисунок 4. Вклад малого и среднего бизнеса в экономику РФ (исходные данные и прогноз).

В 2014–2016 гг. более 20% средств, назначенных на поддержку МСП, были направлены только в 5 регионов. В 2017 г. около 40% субсидий пришлось на 11 регионов, получивших около 200 млн. руб., причем не все реализовали плановые задачи.

Объективно рассуждая, можно прийти к выводу: без такого сектора как малый и средний бизнес

экономика государства в данный момент не только перестанет функционировать по выработанной системе, но и перестанет развиваться и приносить доход государству. Вклад малого и среднего бизнеса в экономику страны составляет около 27.2% за 2019 год (рис. 5).

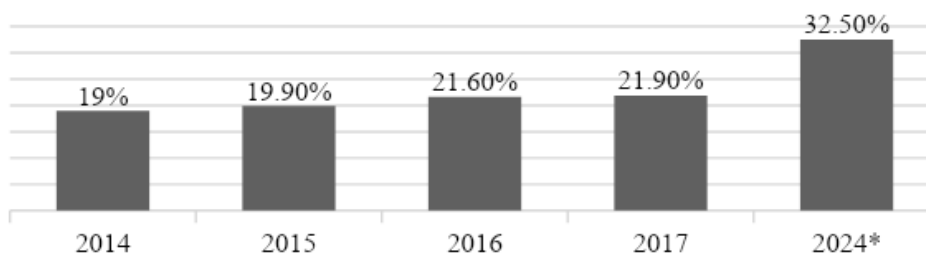

Рисунок 5. Вклад малого и среднего бизнеса в экономику России (по данным Росстата) (*согласно национальному проекту «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной проектной инициативы»)

Наглядный пример пренебрежения этим сектором бизнеса мы видим и сейчас, при сложившейся предкризисной ситуации в стране в 2020 году государство принимает решение поддерживать крупные предприятия. Таким образом, стратегией правительства является следующее: крупные предприятия, нуждающиеся в сторонней поддержке по причинам отсутствия возможности пользования ресурсами из-за рубежа, скорее всего обратят свое внимание на малый и средний бизнес, предоставляющий продукты и услуги необходимые для корпоративного производства. Но данное решение в корне неправильно, так как запущенный процесс требует немало времени для реализации и к моменту обращения крупных корпораций к более мелким представителям рынка, малый и средний бизнес в России прекратит существование.

По факту государство не отказывает в помощи предприятиям и предпринимает меры поддержания отрасли, среди них: выплаты и субсидии, льготы, отсрочки, налоговые послабления. На момент 2 апреля 2020 года по официальным данным такие программы оказали финансовую поддержку уже 646 предприятиям. Большое количество компаний, относящихся к крупным холдингам на самом деле понесли большой урон от сложившейся экономической ситуации 2020 года, однако, если даже таким крупным гигантам рынка пришлось прибегнуть к помощи государства каково же частным предпринимательствам в России.

Множество малых и средних частных предприятий не могут соответствовать требованиям выдвинутым государством для того, чтобы войти в программу помощи. По результатам опроса

Торгово-промышленной палаты, «представители 48% МСП заявили, что не могут воспользоваться мерами государственной поддержки в связи с коронавирусом, поскольку не подпадают под нужную категорию». В исследовании приняли участие 24 тыс. предпринимателей.

Это свидетельствует о несовершенстве механики реализации государственной программы поддержки МСП.

Острым вопросом для бизнеса является проблема арендных платежей: 58% предпринимателей заявили о невозможности совершить оплату аренды. Более 47% предпринимателей отметили, что не имеют технической возможности для организации работы в удаленном режиме. На неэффективность принятых мер, на недостаточность бюджетных средств.

Сложившаяся ситуация наглядно показывает нам значимость малого бизнеса в этой системе, так как по прогнозам в ближайшее время из-за закрытия предприятий малого и среднего бизнеса в России безработными окажутся более 8 млн. человек. Эффективность работающих МСП определяет темп роста экономики, структурирует и выделяет качественные характеристики ВВП. Статистика также указывает нам, что от 60 до 70% ВВП в экономике всех развитых стран мира приходится на долю именно малого бизнеса.

В 2008 году избежать такой ситуации помогла поддержка предпринимателей властями, нынешние же меры не предполагают содействия со стороны государства. Именно поэтому и существует необходимость разработки системы государственной финансовой поддержки для предприятий малого бизнеса. Без государственной поддержки велика вероятность вымирания этого сектора, а вместе с ним и последующий необратимый крах экономики страны в целом.

Поддержка малого бизнеса необходима также по причине развития инновационных технологий с подачи представителей этого сектора. Точные данные вклада отдельных секторов экономики в технологический процесс России оценить в процентном соотношении довольно сложно, так как эти технологии не всегда официально зарегистрированы, но их наличие все же стоит учитывать.

Традиционная оценка такого сектора бизнеса как малый, при помощи расчета качественных показателей, не может считаться полностью достоверной, так как удельный вес продукции суммарно произведен-

ной на предприятиях малого бизнеса невелик. Малый бизнес не производит товары или услуги в таких больших партиях, как это делают крупные корпорации, именно поэтому ценность этого сектора можно оценить в основном благодаря суммированию его показателей со средним и микро-бизнесом.

Оценивать малый бизнес в России и за рубежом конечно можно, но не всегда это может быть корректно. В основном это связано с отношением представителей государства к этому сектору экономики. Из-за сложившейся капиталистической модели экономики, построенной на опыте работы финансовой системы при Советском Союзе, предпочтение в финансировании со стороны государства в большинстве случаев отдается крупным холдингам, зачастую обладающими характеристиками полугосударственных компаний. Финансирование со стороны государства малых предприятий по этим причинам, минимальное, в этом и существует главный недостаток этого сектора.

Преимуществом же в свою очередь может стать фактор немногочисленного объема производства. Из-за сравнительно небольших объемов такого бизнеса в целом, финансирование со стороны государства даже в малых размерах может значительно поднять эту сферу. Это в свою очередь поможет: во-первых, не потерять этот сектор в экономической системе страны (а такая вероятность в сложившейся ситуации весьма вероятна); и во-вторых поднять уровень ВВП и ВВП страны в перспективе на будущее.

Итогом оценки роли малого бизнеса в России может стать перечисление тех положительных результатов, которые может принести в экономику этот сектор бизнеса:

- насыщение рынка и обеспечение его таким качеством, как мобильность;
- ценовая и неценовая конкуренция, присутствующая в этом секторе, поможет установить тенденцию фиксирования цен;
- ускорится внедрение инновационных технологий;
- даст возможность рынку строго разделится по секторам производства и впоследствии, поспособствует кооперации.

Выводы

Вышеперечисленные данные указывают на существование проблем в процессе финансирования малых и средних секторов бизнеса со стороны го-

сударства, среди них: проблема недостатка средств, в правовой базе государства обеспечивающих федеральную поддержку секторов бизнеса; проблема недостаточности развития инфраструктуры, со стороны которой имеется необходимость оказания поддержки предприятиям; низкая информированности правительства проблемами малых и средних

предприятий; проблема дестабилизации и недостаточности финансирования секторов экономики на всех уровнях; проблема существования административного барьера, такого как уровень налоговой нагрузки; проблема отсутствия выверенного плана по привлечению инвестиций в сектора бизнеса среднего уровня дохода.

Список литературы

1. Бедовская Ю. И. «Анализ состояния предпринимательства в Российской Федерации и принятие государственных решений, направленных на поддержание малого и среднего бизнеса», Ю. И. Бедовская, В. А. Симоненко. Журнал: Экономика и бизнес. Теория и практика., 2019 г. С 14–16.
2. Борькова Е. А. «Динамика развития малого и среднего бизнеса: проблемы и перспективы», Е. А. Борькова, В. А. Подкатилина, П. Е. Завьялова. Журнал: Economic Consultant, 2019 г. С. 83–89.
3. Молев Д. А. «Состояние малого и среднего бизнеса в РФ на современном этапе», Д. А. Молев. Журнал: Наука, образование, культура., 2020 г. С. 19–23.
4. Чеботарь Ю. М. «Государственная поддержка малого предпринимательства и управление проектами государственно-частного правительства», Ю. М. Чеботарь, В. Н. Безденежных. – Монография, 2017 г. 181 с.

Информация об авторах

Лунева Татьяна Викторовна, к.э.н., доцент кафедры «Экономика и управление предприятием»

Астраханский государственный технический университет

Адрес: 414056, г. Астрахань, ул.Татищева, 16, тел.: (8512) 61–45–21

E-mail: orlova83@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0605-2744>

Орлова Елена Александровна, доцент кафедры «Экономика и управление предприятием»

Астраханский государственный технический университет

Адрес: 414056, г. Астрахань, ул.Татищева, 16, тел.: (8512) 61–43–56

E-mail: orlova83@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4781-1233>

Зарицкая Анна Владиславовна, студент очного отделения Института экономики, профиль «Экономика организаций и предприятий»

Астраханский государственный технический университет

Адрес: 414056, г. Астрахань, ул.Татищева, 16, тел.: (8512) 61–43–56

E-mail: zaritskaya.ann.2210@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0978-3270>

T.V. LUNEVA,¹**E.A. ORLOVA,¹****A.V. ZARITSKAYA,¹**¹ Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

PRACTICAL ASPECTS OF IMPLEMENTING STATE SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN RUSSIA

Abstract.

Objective: to study the indicators of government support for small and medium-sized businesses in Russia and identify problems in their development.

Methods: observation, summarisation, comparative analysis.

Results: Based on the theoretical material from the historical tour, the specifics of development and problems of insufficient government funding for small and medium-sized businesses were identified. The indicators for the development of small and medium-sized businesses in Russia make it possible to identify the dynamics and prospects for allocating resources to support SMEs

Scientific novelty: for the first time the paper analyzes such a wide range of factors that affect the identification of the causes of under-financing of SMEs.

Practical significance: the main point and conclusions of the article can be used in the introduction of initiatives that allow optimising measures to support SMEs.

Keywords: SME support, state support, contribution to the economy of the country/region, increase/decrease in GDP.

References

1. Bedovskaya Yu. I. "Analysis of the state of entrepreneurship in the Russian Federation and adoption of government decisions aimed at supporting small and medium-sized businesses", Y. I. Bedovskaya, V. A. Simonenko. Magazine: Economics and Business. Theory and Practice. 2019. 14–16.
2. Borkova E. A. "Dynamics of Small and Medium Business Development: Problems and Prospects", E. A. Borkova, V. A. Podkatina, P. E. Zavyalova. Journal: Economic Consultant, 2019, pp. 83–89.
3. Molev D. A., "The state of small and medium business in Russia at the present stage", D. A. Molev. Magazine: Science, Education, Culture. 2020. C. 19–23.
4. Chebotar YM "State support for small business and project management of public-private government", YM Chebotar, VN Bezmonezhnykh. – Monograph, 2017. 181 c.

Information about the authors

Tatiana V. Luneva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Enterprise Management

Astrakhan State Technical University

Address: 16 Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, tel.: (8512) 61–45–21

E-mail: orlova83@mail.ru.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4781-1233>

Elena A. Orlova, Associate Professor at the Department of Economics and Enterprise Management.

Astrakhan State Technical University

Address: 16 Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Tel: (8512) 61–43–56.

E-mail: orlova83@mail.ru.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4781-1233>

Anna V. Zaritskaya, full-time student of the Institute of Economics, profile “Economics of Organizations and Enterprises”.

Astrakhan State Technical University

Address: 16 Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Tel: (8512) 61–43–56.

E-mail: zaritskaya.ann.2210@gmail.com.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0978-3270>

Science of law

Юриспруденция

UDC 347.2/.3

DOI: 10.29013/AJH-21-1.2-62-67

H. L. KRUSHELNYTSKA,¹¹ National Academy of Internal Affairs, Kyiv, Ukraine.

HOLDERS OF THE PROPRIETARY RIGHT TO HUMAN EMBRYOS IN VITRO UNDER THE LAW OF UKRAINE

Abstract.

Purpose: to study the circle of holders of the proprietary right to human embryos in vitro given their limited transferability.

Methods: the author has used the methods of analysis, comparison, consolidation and analogy.

Results: it has been established by the author that holders of the proprietary right to embryos in vitro in Ukraine may be patients within the assisted reproductive technology programmes who have turned eighteen, regardless of their citizenship, as well as health care facilities that treat infertility in case of anonymous donation of their unused embryos in vitro by patients. It has been determined that donors of reproductive cells and surrogate mothers do not acquire the proprietary right to embryos in vitro.

Scientific novelty: the article contains the comprehensive analysis of the holders of the proprietary right to embryos in vitro and establishes the conditions for their inclusion into the circle of patients of in vitro fertilization programmes and health care facilities under the law of Ukraine.

Practical importance: the main provisions and conclusions made in the article may be used in the scientific and practical activity in the area of assisted reproduction to determine the circle of the persons that may own, use and dispose of human embryos in vitro.

Keywords: embryo in vitro; assisted reproductive technology; proprietary right; holders of the proprietary right.

For citation: Krushelnytska H.L. Holders of the proprietary right to human embryos in vitro under the law of Ukraine, 2021, No. 1–2. – P. 62–67. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-1.2-62-67>

Introduction

Application of the assisted reproductive technology (hereinafter the «ART») by fertilisation of gametes in the special laboratory vessels outside the human organism has resulted in appearance of embryos in vitro, which are studied by numerous scientists trying to explain this phenomenon in terms of law. The legal nature of the embryos artificially created during infertility treatment is still a matter of discussion. Some scientists believe that they

should be treated as legal subjects while other characterise them as legal objects, and the third category see sui generis phenomenon in them. Nevertheless, any approach provides for research into the legal regime of embryos in vitro. The author of this article supports the opinion that embryos in vitro pertain to special objects of civil rights until they are implanted into the uterus since they meet the principal criteria of such objects. Given that embryos in vitro may be owned, used in ART programmes,

disposed of, and be subject to legally significant actions, including alienation thereof for the benefit of other subjects in the assisted reproduction area, there is no doubt that embryos in vitro are special objects of the proprietary right. At the same time, due to the unconditional limitation of their civil circulation, human embryos in vitro may only belong to certain participants of such circulation as prescribed by the law, so special attention should be paid to research into the holders of the proprietary right to embryos in vitro. It should be noted that this issue has been poorly studied in the civil law science due to its complex moral and ethical aspect, but some scientists have paid some attention and studied the proprietary right to embryos in vitro and potential holders thereof. Such scientists include A. V. Maifat, Yu. F. Druzhynina, A. S. Shabanova, Ye. Ye. Bohdanova, V. A. Trubina, A. P. Holovashchuk and others. Following the research, the author deems it necessary to consider the circle of persons that may hold the proprietary right to human embryos in vitro at the example of the law of Ukraine.

The Results of the Study

According to the Procedure for Application of the Assisted Reproductive Technology approved by Order of the Ministry of Health of Ukraine No. 787 dated 9 September 2013 (hereinafter the «ART Procedure»)¹, the ART is the infertility treatment techniques where manipulations involving reproductive cells, certain or all stages of preparation of reproductive cells, fertilisation and embryo development processes before implantation into the patient's uterus are performed in vitro. Thus, assisted creation of embryos outside the human organism in Ukraine is only possible to treat infertility by means of the ART. According to A. S. Shabanova, in his case, the proprietary right to the embryo in vitro is held by the subjects of the legal relationship in the area of assisted reproduction. It means that the proprietary right may be held by different subjects (medical facility, patient or donor) depending on the purpose of provision of the reproductive material [1]. In the opinion of Yu. F. Druzhynina, the proprietary right to embryos in vitro may be held by: 1) any gamete donors; 2) only identified donors; 3) only the couple (or single woman) participating in the ART programme; 4) medical facility [2, p. 134].

Given Clause 1.1 of the ART Procedure where it is stated that it governs the relationship between patients (women, men) and health care facilities that facilitate application of the ART, one of the subjects in the area of assisted reproduction that may acquire the proprietary right to human embryos in vitro is patients of the in vitro fertilisation programme (women and men). In this regard, it should be established which persons may be patients of the ART programmes and, accordingly, holders of the proprietary right to embryos in vitro since they are created out of the patients' gametes and, where necessary, by means of donor reproductive cells.

Thus, it is prescribed by Part 7 of Article 281 of the Civil Code of Ukraine² (hereinafter the «CC of Ukraine») that a woman *or* man of full age may be subject to treatment programmes for the assisted reproductive technology based on therapeutic indications, in accordance with the procedure and terms and conditions established by the law. It is stated in the ART Procedure that women *and/or* men of full age are entitled to the ART treatment programmes based on therapeutic indications. Moreover, according to Article 34 of the CC of Ukraine, the persons of full age are the ones who have turned eighteen. It means that the legislative authorities associate possibility of infertility treatment with certain age rather than the person's full civil capacity. At the same time, it is not clear from the clauses of the ART Procedure whether the condition of full age applies both to men and women if in vitro fertilisation is used by the spouses. The point is that according to Article 23 of the Family Code of Ukraine³, the persons who have reached the marital age (eighteen years old) may get married. However, the person who has turned sixteen and filed an application may be granted the right to marry based on the court decision if it is established that marriage is for his or her benefit. Thus, the legislative authorities permit marriage before the persons have reached full age, but they do not expressly provide for applicability of the ART treatment programmes to them, which can evidently be connected with achievement of the sexual and physical maturity necessary to participate in the in vitro fertilisation programmes, including drawing of reproductive cells. By the analogy of Article 290 of the CC of Ukraine where

¹ Procedure for Application of the Assisted Reproductive Technology approved by Order of the Ministry of Health of Ukraine No. 787 dated 9 September 2013. Official Bulletin of Ukraine. 2013. No. 82, p. 446, Article 3064, act's code 69367/2013 (in Ukrainian).

² Civil Code of Ukraine. Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine (BVR), 2003, No. 40–44, Article 356 (in Ukrainian).

³ Family Code of Ukraine. Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine (BVR), 2002, No. 21–22, Article 135 (in Ukrainian).

it is stated that a donor of reproductive cells may only be the legally capable natural person of full age, it can be assumed that reproductive cells may be extracted for in vitro fertilisation only from the persons of full age and civil capacity. At the same time, according to the ART Procedure, one of the infertility treatments is intrauterine insemination, which may be performed by introducing prepared sperm cells into the uterus during the ovulation, in particular, under the conditions of the natural menstrual period and without drawing of the patient's oocytes. However, no embryos in vitro are created in this case. Given the above, it should be specified that patients of the ART treatment programmes may be women *and/or* men as well as spouses provided that they have turned eighteen. It should also be prescribed by the law that patients of the ART programmes have to be fully capable persons able to be aware of their actions and (or) manage them since the ART Procedure mentions mental disorders as counter-indications for in vitro fertilisation only if they affect the ability to carry and deliver a baby. It will prevent abuse of the analogy of law and guarantee protection of right and interests of the persons with limited capacity or incapacitated persons from reproductive abuse.

As reasonably noted by A. P. Holovashchuk, the law of Ukraine does not establish the maximum age limit for the ART although, in her opinion, Ukraine must establish the maximum age for women to apply the ART at 49, given the fertile age of women and life span of women and men in Ukraine [3, p. 190]. This approach is used in Article 6 of the Law of the Republic of Belarus «On the Assisted Reproductive Technology» No. 341-3 dated 7 January 2012¹, where it is stated that in vitro fertilisation and assisted insemination are not applied to the female patients who are older than 50.

According to H. I. Abramenko, although the professionals express their opinion on the need to establish the maximum age for the women who intend to use assisted reproduction methods at the legislative level, the scientist herself believes that the age condition can be considered to be one of the therapeutic counter-indications for the ART, so this issue should be resolved by the board of doctors on a case-by-case basis [4, p. 45]. This stance looks less radical and allows avoiding discrimination of women in the reproduction area based on their age and sex.

The second condition for application of in vitro fertilisation programmes where embryos are created is therapeutic indications for ART treatment. The ART Procedure lists the indications (female and male infertility) and counter-indications (certain diseases and special structure of the organism) for in vitro fertilisation. Also, if in vitro fertilisation is applied by the spouses or the woman and the man who want to have a common child, but are not officially married, therapeutic indications (infertility) may apply to both or one of them. At the same time, O. A. Khazova does not rule out future extended definition of the concept of therapeutic indications, in particular, by including the psychological component, «non-standard» sexual orientation [5, p. 203]. In her turn, Ye. S. Mitriakova does not rule out possible future extension of the range of patients of the ART programmes with the persons who are not ready to give birth to a child for the social reasons not connected with infertility [6, p. 32]. In any case, the law of Ukraine does not permit the patients' participation in infertility treatment programmes by creation of embryos in vitro due to social indications.

It should also be noted that applicability of the ART is provided for one patient and a couple of patients, a woman and a man, who, in their turn, can be officially married or in civil partnership. It is important to elaborate this issue to study the proprietary right to embryos in vitro not only to determine holders of the proprietary right to embryos, but also to separate private and joint ownership.

Thus, when it comes to application of in vitro fertilisation technology to one patient, it is not clear from the ART Procedure whether it is about women only, or a man as well since the legislative authorities mostly use the term «female patient» alongside the term «patients» although the term «patient» is also used from time to time. In theory, a single man can be a patient of the ART programme involving surrogacy. Following the analysis of Section IV of the ART Procedure, the surrogacy conditions permit application of the ART to infertile single man if the embryo is created out of the reproductive cells (sperm cells) of the patient since the genetic relationship between the patient and the child is necessary, and out of the donor female reproductive cells (oocytes) since the surrogate mother must not have an immediate genetic

¹ On the Assisted Reproductive Technology: Law of the Republic of Belarus, 7 January 2012, No. 341-3. Consultant Plus: Belarus. Scientific Centre of Legal Information. Republic of Belarus. – Minsk, 2017.

relationship with the child. Moreover, the documents necessary for surrogacy as provided for by Clause 6.11 of the ART Procedure include the notarised copy of the written joint agreement between the surrogate mother and the woman (man) or spouses. It is another argument proving that the ART may also be applied by a single infertile man. Otherwise, deprivation of such men of an opportunity to treat infertility would constitute unreasonable and unfair gender discrimination.

It should also be noted that the law of Ukraine does not restrict applicability of in vitro fertilisation programmes to foreign citizens and stateless persons.

Thus, holders of the personal proprietary right to embryos in vitro in Ukraine may be a man or a woman of full age, regardless of citizenship, who have therapeutic indications for the ART treatment programmes via fertilisation (male or female infertility) and have no legal counter-indications for in vitro fertilisation. Also, holders of the joint proprietary right to embryos in vitro may be the spouses if both woman and man are of full age, one of them or they both have therapeutic indications for the ART treatment programmes (male or female infertility) and have no legal counter-indications for in vitro fertilisation. Under the same conditions, the woman and the man who are not officially married, but wish to have a common child may hold the joint proprietary right to embryos in vitro.

In addition to the patients of the ART treatment programmes, the proprietary right to embryos in vitro may also be held by the health care facilities licensed for medical practice and having proper equipment. In the opinion of A. S. Shabanova, the medical facility may acquire the proprietary right to the embryo in vitro created out of the donor's egg cell and sperm by virtue of the civil laws on acquisition of the proprietary right to a new item [7, p. 117]. This approach is evidently associated with the scientist's stance according to which reproductive donation is an act of disposal of the biological material, with transfer of the proprietary right thereto to the medical facility [8, p. 84]. The same opinion is expressed by Ye. V. Halyshkina, who notes that the medical facility acquires the proprietary right to embryos in vitro as a result of specification since it owns the donated embryos [9, p. 44]. However, it should be noted that embryos in vitro may be created out of donor gametes only in order to treat infertility of the specific patients. As reasonably noted by Yu. F. Druzhynina, the persons who apply to the health care facility for medical aid and infertility

treatment pay without limitation for the cost of the donor gametes (if there are therapeutic indications for use thereof). It means that in case oocytes or sperm are used to create the embryo, the medical facility transfers the proprietary right thereto to the persons receiving medical aid since the patients pay for the biomaterial used. Therefore, as of the time of creation of the embryo in vitro, the rights to the gametes will be held by the patients [2, p. 134]. At the same time, comprehensive analysis of the ART Procedure enables making the conclusion that the health care facility may hold the proprietary right to embryos in vitro when they are received via anonymous donation. In particular, it is stated in Clause 5.1 of the Procedure that donation of embryos is the procedure within which donors provide their embryos to be used to treat other persons' infertility based on the written voluntary consent. It is noted in the informed voluntary consent to embryo donation proposed in Annex 11 to the ART Procedure that the donors give the health care facility their permission to use their embryos in the treatment programmes of the assisted reproductive technology for other patients (recipients), who are not designated by the donors in advance. Thus, embryos may be alienated to the health care facility, which is free to dispose of the donated embryos when it applies the ART to its patients.

Since the only embryo donors may the patients of in vitro fertilisation programmes who have unused cryopreserved embryos left after the child is born, it is impossible to say that the donors hold the proprietary right to embryos in vitro since donation is associated with alienation of the proprietary right. Donors of reproductive cells (both anonymous and identified) will not hold the proprietary right to embryos in vitro as well since they voluntarily alienate the proprietary right to their gametes for the benefit of the health care facility and have no influence on their future use.

Although a surrogate mother is also a separate subject in the reproduction area, she may not hold the proprietary right to embryos in vitro since embryos in vitro in case of the ART and surrogacy are created by the patient's or patients' «order». Moreover, the embryos created within the surrogacy programme must have the genetic relationship with at least one future parent (if the patients are a couple) or directly with the single male or female patient while the surrogate mother must have no genetic relationship with the embryo in vitro. As duly noted by V. A. Vatrás, a surrogate mother under the sur-

rogacy agreement undertakes to undergo the procedure of implantation of the human embryo conceived by the genetic parents [10, p. 73], who will own the embryos in vitro created out of their biomaterial (own or donated one). Thus, the surrogate mother does not own the gametes used to create the embryo in vitro, and it ceases to be the object of civil rights following the implantation into the woman's body; the ownership relationship is not applicable to the implanted embryos at all.

Conclusions

Based on the above, the reasonable conclusion is that the holders of the proprietary right to embryos in vitro may be: single men as patients of the ART programme involving surrogacy; single women as patients of the in vitro fertilisation programme; spouses or the man and the woman who are not officially married, as patients

participating in the ART programme. Moreover, the patients as holders of the proprietary right to the artificially created embryos are natural persons of any citizenship who have turned eighteen. At the same time, it should be prescribed by the law that full civil capacity as a necessary condition for participation in the ART programmes and, accordingly, the condition to acquire the status of the holder of the proprietary right to the embryos artificially created during treatment of their infertility. Furthermore, the holders of the proprietary right to embryos in vitro may be the health care facilities that treat infertility with ART in case patients donate their unused embryos in vitro anonymously. In their turn, donors of reproductive cells and surrogate mothers do not acquire the proprietary right to the embryos artificially created during the ART.

References

1. Shabanova, A. S. Pravovoj rezhim jembriona cheloveka in vitro: obshhie dokumenty po pravam cheloveka i nacional'noe pravo (Legal status of human embryo in vitro: general human rights regulations and national law), Journal of Legal and Economic Studies, 2019, No 3 (in Russ.).
2. Druzhinina, Ju. F. Pravovoj rezhim jembriona in vitro (Legal regime of embryo in vitro). Russian Law Journal, 2017, No 12, pp. 129–140 (in Russ.).
3. Golovashhuk, A. P. Pravove reguljuvannja dopomizhnyh reproduktyvnyh tehnologij (Legal regulation of assisted reproductive technologies). Journal of Kyiv University of Law, 2013, No 2, pp. 189–191 (in Ukr.).
4. Abramenko, G. I. Primenenie vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij: pravovoe regulirovanie (Application of assisted reproductive technologies: legal regulation). Actual problems of modern science, 2015, No 4, T. III. pp. 42–46 (in Russ.).
5. Hazova, O. A. Pravovye aspekty primeneniya vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij v Rossii (Legal aspects of the use of assisted reproductive technologies in Russia). Modern medical law in Russia and abroad, Moscow, 2003, pp. 191–205 (in Russ.).
6. Mit'jakova, E. S. Problemy pravovogo regulirovanija surrogatnogo materinstva v Rossii (Problems of legal regulation of surrogacy in Russia). Bulletin of the Academy of Russian Encyclopedias, 2004, No 4(14). pp. 30–33 (in Russ.).
7. Shabanova, A. S. Osnovaniya priobreteniya medicinskoj organizacii prava na biologicheskij material, ispol'zuemyj pri primenении metodov vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij (The grounds for granting the medical institution of the right to biological material used in the application of methods of assisted reproductive technologies). North Caucasian legal bulletin, 2019, No 3. pp. 114–121 (in Russ.).
8. Shabanova, A. S. Pravovoe polozenie donorskogo reproduktivnogo materiala (The legal regime for donated reproductive material). Matters of Russian and International Law, 2019, Vol. 9, Is. 7A, pp. 82–90 (in Russ.).
9. Galyshkina, E. V. Jembrion in vitro kak ob'ekt grazhdanskij prav (The in vitro embryo as an object of civil rights). The legal system and the modern state: problems, trends and development prospects: collection of articles of the IV International scientific and practical conference, Penza: MCNS «Nauka i Prosveshhenie», 2019, 150 p. (in Russ.).
10. Vatrás, V. A. Sub'ektnij sklad pravovidnosin shhodo implantacii embriona ditini zhinci iz genetichnogo materialu podruzhzhja (Subjective composition of legal relations regarding the implantation of a child's embryo to a woman from the genetic material of the spouses). Bulletin of the Khmelnytsky Institute of Regional Management and Law, 2002, No 4. pp. 73–74 (in Ukr.).

Information about the author

Krushelnytska Hanna Leonidivna, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines, National Academy of Internal Affairs, Kyiv, Ukraine.

Address: 03035, Ukraine, Kyiv, Solomianska Square, 1, tel.: +38 (067) 238–12–14

E-mail: krushelnytska.hanna@gmail.com

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-9934-6973>

Contents

Study of art	3
<i>L.K. BOGDANOVA-KHOLODOVA</i>	
WAGNER'S EARLY WORK ON OPERA LIBRETTOS — BASED ON THE EXAMPLES OF THE OPERA "WEDDING" AND "FAIRY"	3
<i>I. TYMCHENKO-BYKHUN</i>	
"THE ORIGINAL POLKA" BY M. GLINKA: AUTOBIOGRAPHICAL REMINISCENCES	14
History	20
<i>A.N. MAKHMUDOVA</i>	
ISSUES OF HISTORY WORLD CIVILIZATION IN THE SCIENTIFIC RESEARCH OF R.H.SULEYMANOV	20
Pedagogy	25
<i>K.I. PIROGOVA, O.S. MYKYTCHYK</i>	
RATIONALE OF A DIFFERENTIATED APPROACH TO AQUAFITNESS FOR WOMEN 20-35 YEARS OLD	25
Political science	31
<i>M.W. USHAKOVA</i>	
IMPROVING THE LEGISLATIVE PROCESS AND LEGAL DRAFTING FOR THE BETTER POLICY IMPLEMENTATION IN UKRAINE	31
Philology and linguistics	37
<i>K. KUDERINOVA, N. AMIRZHANOVA, E. MARALBEK, M. SADYKOVA</i>	
KAZAKH ORAL LANGUAGE: PAST, PRESENT	37
Economics and management	44
<i>G. V. KARALIDZE, O. M. ZALUCHYONOVA</i>	
PROJECT MANAGEMENT SYSTEM AS A TOOL FOR MANAGING THE IMPLEMENTATION OF STRATEGIC GOALS	44
<i>T.V. LUNEVA, E.A. ORLOVA, A.V. ZARITSKAYA</i>	
PRACTICAL ASPECTS OF IMPLEMENTING STATE SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM- SIZED BUSINESSES IN RUSSIA	53
Science of law	62
<i>H. L. KRUSHELNYTSKA</i>	
HOLDERS OF THE PROPRIETARY RIGHT TO HUMAN EMBRYOS IN VITRO UNDER THE LAW OF UKRAINE	62